

Проводник

Автор:

[Клэр Макфолл](#)

Проводник

Клэр Макфолл

Придя в сознание после крушения поезда, шестнадцатилетняя Дилан обнаруживает, что все пассажиры исчезли. Девушка идет за помощью и попадает в странное пустынное место. Что произошло и где она оказалась? В поисках ответов на эти вопросы Дилан встречает загадочного парня по имени Тристан, проводника, который доставляет души умерших в другой мир.

Вместе с ним Дилан отправляется в опасное путешествие в загробную жизнь. Чем больше времени молодые люди проводят рядом, тем сильнее становятся их чувства друг к другу. И это неминуемо приведет к непредсказуемым последствиям.

Клэр Макфолл

Проводник

Благодарности

Огромное и искреннее спасибо всем людям, благодаря которым «Проводник» появился на свет.

Прежде всего, спасибо моему мужу – за то, что верил в меня и был моим официальным критиком. Я тебя люблю.

Я бесконечно благодарна Клэр и Рут за то, что они так быстро читали и говорили, что им нравится!

С любовью и благодарностью обращаюсь к моим родителям, Кейт и Джону, – они поддерживали меня и научили любить истории.

Я благодарна Бену Иллису, моему агенту, который держал меня за руку и хвалил.

Спасибо Хелен Бойл и всем из Templar за то, что верили в «Проводника» и помогли мне слепить из него что-то более значительное, чем если бы я справлялась сама.

Если вы из школы Gow и читаете это – привет, я по вам скучаю. Будьте умницами (и не забывайте задвигать стулья!). Спасибо тому, что научили меня отправлять других в придуманный мир.

И, наконец, спасибо Дилан и Тристану, которые появились в моей голове и настояли на том, чтобы я о них написала.

Клэр Макфолл

Пролог

Он сидел на склоне и ждал.

Новый день, новая работа. Перед ним в глубине тоннеля исчезали ржавеющие рельсы. В сером мраке облачного дня из каменной арки едва исходил свет. Он ни на минуту не отводил взгляда от устья тоннеля. Ожидание его не напрягало. Никакого захватывающего волнения или проблеска интереса.

Он давно перестал проявлять любопытство. Теперь лишь важно выполнить задание. Его холодные циничные глаза казались безжизненными.

Подул ветер, обдавая его морозным воздухом, но он не чувствовал холода. Был сосредоточен, внимателен.

Все произойдет с минуты на минуту.

1

Первые тяжелые капли дождя объявили о себе, выстукивая по крыше железнодорожной платформы разрозненный ритм. Дилан вздохнула и еще глубже запрягла лицо в воротник зимней куртки, стараясь согреть замерзший нос. Она чувствовала, как онемели ноги, и постукивала ботинками по растрескавшемуся бетону, чтобы согреться. Сердито смотрела на скользкие черные рельсы, заваленные пакетами от чипсов, ржавеющими банками газировки Irn-Bru и останками зонтов. Поезд опаздывал на пятнадцать минут, а она из-за нетерпения приехала на десять минут раньше. Ничего не оставалось, кроме как стоять и смотреть. И чувствовать, как тепло медленно покидает ее.

Дождь закапал увереннее. Мужчина рядом с ней тщетно пытался почитать бесплатную газету, погрузившись в историю про серию чудовищных убийств в Вест-Энде. Крыша представляла собой жалкое укрытие, капли падали на газету, взрываясь и размывая типографскую краску до клякс. Громко поворчав, мужчина сложил ее и засунул под мышку. Он осмотрелся в поисках нового занятия, и Дилан тут же отвела взгляд. Ей не хотелось вести вежливую беседу.

День как-то не задался. Будильник почему-то не сработал, и с того момента все пошло под откос.

* * *

– Давай! Поднимайся! А то опоздаешь. Опять вчера долго болтала по телефону? Если ты не можешь себя организовать, придется мне принимать гораздо более активное участие в твоей жизни, и тебе это не понравится!

Голос мамы бесцеремонно ворвался в сон о красивом незнакомце. Он скрежетал так, будто резали стекло, и подсознание поставило небольшую задачу – не вникать. Мама, продолжая ворчать, вышла в длинный коридор их съемной квартиры, и Дилан расслабилась. Она пыталась запомнить сон, отложить некоторые детали на потом. Неспешная прогулка... теплая рука... дурманящий запах листвы и влажной земли... Она улыбнулась, чувствуя разливающееся в груди тепло, но лицо того парня из сна ускользало, не оставляя надежд.

Вздыхнув, Дилан с трудом открыла глаза и потянулась, наслаждаясь уютным теплом толстого одеяла, затем скосила глаза влево, на будильник.

О господи.

Она сильно опоздает.

Суетливо бегая по комнате, Дилан попыталась собрать достаточно чистой одежды, чтобы сгодилось для школы. Затем прошла расческой по каштановым, до плеч, волосам, особо и не пытаясь справиться с курчавым беспорядком. Она даже не взглянула на свое отражение, закручивая волосы в неприметный пучок. Как другим девочкам удавалось создавать стильные прически – для нее было загадкой. Даже если она прилагала усилия, чтобы пройтись по волосам утюжком и выпрямить их, двух секунд на улице хватало, чтобы шевелюра приняла естественное растрепанное состояние.

О том, чтобы исключить душ, не могло быть и речи, но сегодня ей пришлось не больше пяти минут покрутиться под водой, всегда обжигающе горячей, вне зависимости от повернутых ручек или нажатых кнопок. Вытерлась грубым полотенцем и натянула на себя черную юбку, белую рубашку и зеленый галстук, вроде как часть униформы. В спешке натягивая колготки, неаккуратно прошла острым ногтем и пустила стрелку. Черт, последняя пара... Скрипя зубами, Дилан закинула колготки в мусорную корзину и с голыми ногами понеслась по коридору на кухню.

Заглянула в холодильник и не нашла ничего, что можно было бы съесть на ходу. На заскочить в кафе, конечно же, не было времени. Придется идти голодной. По крайней мере, на школьной обеденной карте у нее достаточно денег для приличного обеда. В пятницу обычно дают рыбу и жареный картофель, разумеется, без соли, уксуса или даже кетчупа. Не в нашей повернутой на

здоровье школе, подумала Дилан, закатывая глаза.

– Ты собрала вещи?

Дилан повернулась к матери, стоящей на пороге кухни. Джоан ждала изнурительная двенадцатичасовая больничная смена.

– Нет. Сделаю это после школы. Поезд только в половину пятого – времени полно.

Как всегда, вмешивается. Иногда ей казалось, мама просто не может сдержаться.

Брови Джоан взлетели, отчего морщины на лбу, прорезавшиеся, несмотря на дорогие лосьоны и кремы, которые она наносила каждый вечер, стали еще глубже.

– Ты такая неорганизованная, – начала она. – Надо было вчера вечером этим заниматься, а не болтать со своими друзьями...

– Хорошо! – огрызнулась Дилан. – Я все сделаю.

Казалось, Джоан хотела сказать что-то еще, но вместо этого покачала головой и отвернулась. Понять причину маминого плохого настроения было легко. Она не одобряла поездку Дилан на выходные к отцу, мужчине, которого Джоан обещала любить, пока смерть – а в их случае жизнь – не разлучит их.

Не дожидаясь нового всплеска негатива, Дилан надела туфли и куртку, схватила сумку и потопала по коридору, пытаясь игнорировать урчание в животе. Она остановилась у двери, чтобы обязательно попрощаться, – но столкнулась с тишиной и выскочила под дождь.

Через пятнадцать минут дешевая зимняя куртка сдалась в борьбе с моросью, и Дилан почувствовала, как ее рубашка намокает.

Вдруг ужасная мысль заставила ее остановиться. Белая рубашка. Дождь. Мокрая рубашка. Она вспомнила, как рылась в ящике в поисках чистого лифчика и

нашла один-единственный – темно-синий.

Она выругалась сквозь зубы, за что схлопотала бы от матери, будь она рядом. Домой бежать некогда. Даже если она поторопится, все равно опоздает.

Ужас.

Опустив голову, Дилан пошлепала по оживленной улице: мимо магазина подержанных вещей, мимо заколоченных ларьков, мимо кафе с дешевой мебелью и дорогими пирожными, мимо букмекерской конторы или двух. Не было никакого смысла обходить лужи – ноги уже насквозь промокли, и это было наименьшей из проблем. На мгновение она даже подумала перейти дорогу и спрятаться в парке, пока Джоан не уйдет на работу, а потом вернуться домой. Но она отлично себя знала. Ей просто не хватит смелости. Выдавая поток жалоб вперемешку с ругательствами, свернула с оживленной улицы и прошла в ворота Кейтшэлл.

Дилан была уверена, что их школа – три этажа однообразных помещений различной стадии обветшалости – была призвана умерить энтузиазм, творческий потенциал и, самое главное, настрой. Переключка проходила в кабинете мисс Парсон на верхнем этаже – в еще одном унылом помещении, которое учительница попыталась оживить с помощью плакатов и настенных экранов. Странно, но из-за ее стараний это место выглядело еще депрессивнее – особенно сейчас, когда тридцать клонов в нем обсуждали малозначащую ерунду так, словно эта ерунда была чем-то жизненно важным.

Запоздалое появление Дилан вызвало пристальный взгляд. Как только она села, сквозь шум в классе раздался визгливый голос училки:

– Дилан. Куртка.

Кто придумал, что ученики должны быть вежливы с учителями, но не наоборот? – подумала Дилан.

– Я замерзла. На улице такой холод.

И здесь тоже, – это она не стала добавлять.

– Мне все равно. Сними куртку.

Дилан хотела воспротивиться, но это было бесполезно. Кроме того, недовольство привлечет к ней внимание, а она, как правило, старалась его избегать. Вздохнув, она повоевала с дешевой молнией и скинула с себя куртку. Взглянула вниз, и страхи подтвердились. Промокшая блузка просвечивала, и темно-синий лифчик под ней сверкал как маяк. Дилан ссутулилась, задаваясь вопросом, как долго сможет оставаться невидимой.

Ответ пришел через сорок пять секунд.

Естественно, все началось с девчонок. Где-то слева раздалось хихиканье.

– Что? Что такое? – прорезался сквозь них ехидный голос Дэвида Доув Макмиллана.

Дилан уверенно смотрела вперед на доску, но нетрудно было представить Шерил и ее свиту, улыбающихся и показывающих в ее сторону пальцами с накрашенными ногтями. Доув был настолько глуп, что лишь через несколько секунд осознает, что они показывают на нее, а без подсказки размером с кувалду никогда не поймет, в чем соль. Шерил окажет ему эту услугу, проговорив одними губами: «Зацени ее лифчик», или, может, сделает подходящий непристойный жест. В этом классе язык жестов соответствует уровню парней-идиотов.

– Ха! – Еще один мысленный образ: слюна, смешанная с In-n-Brw, падающая на парту; этот придурок наконец врубился. – Ха, Дилан, я вижу твои сиськи!

Дилан съежилась и сползла ниже, а хихиканье переросло в открытое веселье.

С тех пор как уехала Кэти, в этой школе никто не производил впечатление человека одного с Дилан вида. Все они были стадом баранов с другой планеты. Парни носили спортивные костюмы, слушали хип-хоп и проводили вечера в скейт-парке. Но не катались на скейте, а портили площадки и пили алкоголь, какой смогли достать. Девочки еще хуже. От пяти слоев косметики их лица казались неестественно загорелого цвета, а язвительные, визгливые голоса словно пришли из американских подростковых драм. Двенадцать флаконов лака для волос, чтобы соответствовать «образу», видимо, превратили их мозги в

кашу, потому что поговорить они могли исключительно на тему загара, отвратительной поп-музыки или – что тревожило больше всего – кто из парней в поддельных найках привлекательнее остальных. Конечно, были и другие ученики, но они, как правило, держались тихо, чтобы не стать мишенью толпы.

Кэти была ее единственной подругой. Они были знакомы с начальной школы, втихую смеялись над одноклассниками и планировали, как выбраться из этого места. В прошлом году все изменилось. Родители Кэти, презирая друг друга, решили, что настало время разойтись. Они ненавидели друг друга столько, сколько Дилан знала Кэти, поэтому она не могла понять, почему сейчас. Но Кэти заставили выбирать между проживанием с отцом-алкоголиком в Глазго и переездом с властной мамашей. Дилан не завидовала ее выбору. Оказавшись между молотом и наковальней, Кэти решила поехать с мамой в деревушку под названием Лесмахагоу в Ланкашире. С таким же успехом это мог быть край земли. Как только она уехала, жизнь стала намного сложнее. Дилан скучала по подруге. Кэти не стала бы смеяться над ее просвечивающей рубашкой.

За половину первого урока рубашка просохла, но легче от этого не стало. Куда бы Дилан ни пошла, за ней следовали парни – и из ее класса, и те, кого она не знала, – смеялись, выдавали сальные замечания, и почти каждый второй пытался потянуть за ляжку лифчика. К обеду это все здорово достало: глупые подколы парней, ехидные взгляды девчонок и невмешательство учителей, как всегда, глухих и слепых. Когда звонок оповестил о конце четвертого урока, Дилан прошла мимо столовой, игнорируя запах рыбы и картофеля и спазмы в животе, вышла за школьные ворота, но в кафе или пекарню, где можно было перекусить, так и не свернула.

Ее сердце забилось быстрее, когда она обнаружила, что шагает в сторону дома. Она никогда прежде не прогуливала школу, даже не думала об этом. Дилан была прилежной ученицей, хотя и не самой умной. Все ее успехи были результатом упорной работы, но на самом деле не так уж сложно уделять учебе много времени, когда у тебя нет друзей. Однако сегодня она нарушила все правила. После переклички на пятом уроке рядом с ее именем появится «Н». Даже если училка позвонит в больницу, чтобы пожаловаться, Джоан ничего не сможет с этим поделать. К концу ее смены Дилан будет на полпути к Абердину. Так что Дилан беспечно выкинула тревогу из головы. Сегодня ей и так было о чем подумать.

Дома она первым делом стянула злополучную рубашку, кинула ее в корзину для стирки, распахнула шкаф и принялась выбирать вещи. Что подойдет для встречи с отцом? Одежда должна произвести на него правильное впечатление. Ничего откровенного, чтобы не быть вызывающей; ничего с мультяшными персонажами, чтобы не выглядеть по-детски. Что-нибудь нейтральное...

Поперебирая вещи, Дилан пришла к выводу, что ничего подходящего у нее нет. Она схватила выцветшую голубую футболку с названием любимой группы на груди и добавила к ней серый джемпер на молнии, с капюшоном. Сбросив школьную юбку, натянула удобные джинсы и старые кроссовки Nike. Потом тщательно рассмотрела себя в зеркале в полный рост в комнате матери. Сойдет, в этом она поедет. А с собой...

Вытянув из шкафа в холле старый рюкзак, Дилан кинула его на кровать. Немного подумав, засунула в него еще одни джинсы и пару футболок, нижнее белье, черные школьные туфли и зеленую юбку (вдруг отцу захочется повести ее на ужин). Телефон и кошелек она положила в передний карман, туда же – предметы личной гигиены.

Наконец, Дилан взяла с кровати самое важное. Эгберт, плюшевый мишка. Со временем он стал серым и довольно потрепанным, один глаз отсутствовал, а из небольшой дырки по заднему шву торчала набивка. Эгберт вряд ли одержит победу в конкурсе красоты, но он был рядом с ней с самого рождения и приносил чувство безопасности и комфорта. Взять его с собой? Ей бы очень хотелось, но отец может решить, что она до сих пор ребенок. Дилан в нерешительности прижала мишку к груди. Затем положила на кровать и посмотрела на него. Казалось, что он, брошенный, с обидой смотрит в ответ. Почувствовав вину, Дилан схватила его и аккуратно положила поверх одежды.

Уже застегнув рюкзак, она передумала и достала Эгберта. В этот раз он упал мордочкой вниз и уже не мог с надеждой или укором смотреть на нее одним своим глазом. Дилан нахмурилась и решительно вышла.

Но ровно через двадцать секунд ворвалась обратно и схватила медвежонка.

– Извини, Эгберт, – прошептала она, быстро поцеловала плюшевого зверя, засунула в рюкзак и теперь уже не вышла, а выбежала из комнаты.

Если поторопиться, можно успеть на поезд, который выходил раньше, и удивить отца. Эта мысль несла ее вниз по лестнице и по мокрой улице. По дороге к железнодорожному вокзалу располагалось кафе; она могла заглянуть в него и купить бургер, чтобы продержаться до ужина. Дилан прибавила ходу, глотая в предвкушении слюнки, но, пройдя высокие металлические ворота в парк, резко остановилась и уставилась между прутьями на стволы деревьев, не до конца понимая, на что смотрит.

Дежавю.

Дилан прищурилась, стараясь понять, что ее притянуло. Из-под мокрых веток дуба выглядывала голова с взъерошенными светлыми волосами. Тот же ореол волос, обрамляющих лицо, она и правда это видела, кроме одного – глаз шокирующе кобальтового цвета. Сон...

Пульс внезапно ускорился, но иллюзию разрушил раздавшийся в стороне смех. Повернув голову, она увидела Макмиллана с приятелями. Дилан поморщилась и поспешила уйти, прежде чем они ее заметили.

Но этот парень... Она тряхнула головой, прогоняя остатки сна, и перешла улицу, сосредоточившись на нарисованной от руки вывеске забегаловки.

2

– Это возмутительно. Позор!

Незнакомцу с газетой под мышкой явно хотелось поговорить.

Дилан неуверенно посмотрела в его сторону. Ей совсем не хотелось ввязываться в дискуссию с этим мужчиной средних лет в твиде, потому что в итоге придется всю дорогу до Абердина поддерживать неловкий разговор. Она пожала плечами, но этот жест остался незаметным под объемной курткой.

– Я хочу сказать, раз повышают цены, то могли бы и расписание соблюдать, – продолжил мужчина. – Возмутительно! Я здесь уже двадцать минут торчу, а

когда поезд прибудет, в нем не окажется свободных мест. Сервис называется!

Дилан осмотрелась. На платформе было не так многолюдно, чтобы раствориться в толпе.

Мужчина в твиде повернулся к ней.

– Вы так не думаете, мисс?

Дилан попыталась ответить как можно более уклончиво:

– М-м-м.

Этого хватило, чтобы он развил тему.

– С National Rail было гораздо лучше. С ними мы хоть знали, куда едем. Тогда на поездах работали нормальные парни, да и вообще следили за порядком. Теперь же все покатилося под откос. Железной дорогой управляет банда шарлатанов. Возмутительно!

Хоть бы поезд скорее подошел, подумала Дилан, отчаянно желая избавиться от этого типа. И он подошел, как рыцарь в ржавеющих доспехах. Единственная капля надежды в день, полный позора и мучений.

Дилан потянулась к рюкзаку у ног. Он давно уже выцвел и находился не в лучшем состоянии, впрочем, как и все ее вещи. Когда она закидывала рюкзак на плечо, раздавался тихий звук рвущейся ткани. Только этого не хватало... Если шов сейчас разойдется и нижнее белье рассыплется по всему перрону, это станет логичным продолжением картины сегодняшнего дня. Но рюкзак, к счастью, передумал подвергать ее унижению, и Дилан подошла к краю платформы. На всякий случай она посмотрела, в какую сторону направился незнакомец в твиде, и побежала к другой двери.

В вагоне она огляделась, стараясь выделить пьяных, чудил и людей, которые наверняка захотят поделиться бесконечными историями своей жизни; последних так и тянуло к ней, когда она куда-нибудь ездила. Ну, нет, с нее хватит.

Свободных мест было не много, а если точнее, всего три: одно рядом с женщиной и орущим ребенком с красным лицом. Второе напротив пары поддатых подростков в голубых толстовках «Рейнджерс». Они пили из неумело скрываемых бутылок что-то подозрительно похожее на вино Buckfast и хором фальшивили какую-то песню.

Оставался последний вариант – в середине вагона, возле крупной женщины, которая пристроила свои сумки на соседних сиденьях и напротив, явно намекая, что не нуждается в соседстве. Но она была самым предпочтительным вариантом, пусть и сверкала грозно глазами.

– Простите, – пробормотала Дилан, подойдя к ней.

Женщина громко вздохнула, выражая недовольство, но тем не менее убрала одну из своих сумок. Дилан, скинув рюкзак, достала телефон и наушники, закинула рюкзак на верхнюю полку, села, засунула наушники в уши, закрыла глаза, и прибавила громкость, позволив тяжелому барабанному ритму любимой группы, игравшей инди-рок, заглушить окружающий мир. Она представила, как тетка с сумками сердито смотрит на нее, слыша эту «ужасную» музыку, и улыбнулась.

Поезд неслышно для Дилан застонал и, поднатужившись, набрал скорость, двигаясь в сторону Абердина.

Не открывая глаз, Дилан задумалась насчет предстоящих выходных. Она представила, как выйдет из поезда и отыщет в толпе мужчину, который был для нее совершенно чужим. На то, чтобы выбить у Джоан номер телефона Джеймса Миллера, ее отца, ушли месяцы убеждений и лести. Дилан вспомнила, как тряслись ее руки, когда она набирала, сбрасывала, снова набирала и снова сбрасывала его номер. Что, если он не захочет с ней разговаривать? Что, если теперь у него своя семья? Но хуже всего было бы то, если бы он оказался огромным разочарованием. Алкоголиком или преступником. Мама не смогла предоставить более подробную информацию. Они с Джейсом вообще не общались. Он ушел, когда она сама попросила его об этом, и больше никогда их не беспокоил, опять же по просьбе Джоан. Дилан было пять, когда он исчез из их жизни, и его лицо за десятилетие стало лишь воспоминанием.

Но ей все-таки хотелось его увидеть. После двух дней внутреннего беспокойства она отыскала тихое местечко на школьном дворе, пока еще не занятое курильщиками, влюбленными парочками или компаниями, и позвонила. Она надеялась, что он будет занят в середине дня и не ответит. Так и вышло, но после шести гудков, на время которых ее сердце замерло, включилась голосовая почта, и Дилан вдруг поняла, что не продумала свою речь. И в панике оставила бессвязное сообщение.

– Привет, это для Джеймса Миллера. Это Дилан. Твоя дочь. – Что еще сказать? – Я, эм... Я взяла твой номер у мамы. В смысле, у Джоан. Подумала, может, мы встретимся. И поговорим. Если хочешь. – Дыши. – Это мой номер...

Сбросив вызов, она поморщилась. Ну что за идиотка! Поверить не могла, что не спланировала заранее сообщение. Бубнила, как дурочка. Теперь не оставалось ничего, кроме как ждать. И она ждала. Ее тошнило весь день. Биология и английский пролетели быстро, она и не заметила. Дома Дилан оцепенело смотрела телевизор, даже не переключила канал, когда начались дурацкие мелодрамы. Что, если он не перезвонит? Прослушал ли он сообщение? А что, если до него оно так и не дошло? Дилан представила, как телефон поднимает женская рука, слушает, потом пальцем с красным ногтем нажимает кнопку «Удалить». Перезвонить она боялась, поэтому оставалось лишь скрестить пальцы и не отходить от телефона.

Прошел целый день, показавшийся Дилан месяцем, но он так и не позвонил. На следующий день, в четыре часа, когда она шлепала домой из школы в мокрых носках и промокшей куртке, в ее кармане завибрировал телефон. Ну вот. Казалось, сердце перестало биться, когда она выдернула телефон из кармана. Быстрый взгляд на дисплей подтвердил: это был телефонный код Абердина. Проведя по экрану большим пальцем, она прижала телефон к уху.

– Алло? – ответила резко и сдавленно. Затем попыталась тихо прочистить горло.

– Дилан? Дилан, это Джеймс. Миллер. В смысле, твой отец.

Тишина. Скажи что-нибудь, Дилан, подумала она. Скажи что-нибудь, папа. Между ними повисло молчание, казавшееся криком.

– Слушай, – его голос оборвал паузу. – Я так рад, что ты позвонила. Очень давно хотел с тобой связаться. Нам надо многое наверстать.

Дилан закрыла глаза и улыбнулась. Перевела дух и заговорила.

После этого все пошло как по маслу. Ей казалось, что она знает его целую вечность, будто и не расставались никогда. Они проговорили, пока ее телефон не разрядился. Джеймс расспрашивал про школу, интересовался хобби, с кем она дружит, какие фильмы любит смотреть и какие книги читать. Про парней – хотя здесь не о чем было говорить, учитывая выбор в Кейтшэлл. В свою очередь, он рассказал ей про жизнь в Абердине, про собаку Анны. Ни жены, ни детей. Проблем – никаких, и он хотел, чтобы она к нему приехала.

Это было ровно неделю назад. Семь дней Дилан пыталась справиться с нервами – ее волновала встреча с отцом, и старалась не ссориться с Джоан, которая не скрывала, что не одобряет ее попытку наладить связь. Дилан даже с Кэти не разговаривала об этом.

Вспомнив о подруге, она достала телефон и отправила сообщение.

Привет, Кэти. Как дела?

Новая школа – отстой?

Школа новая, а придурки те же.

Только эти придурки деревенские.

Остается радоваться, что через год в это время мы начнем учиться в колледже.

Не могу дождаться, когда выберусь отсюда!

Как дела в прекрасной школе Кейтшэлл?

Отстойно.

Но у меня есть новости!

Оооо. Рассказывай!

Я позвонила папе.

Дилан нажала «Отправить» и стала ждать. Ее сердце колотилось. Она хотела, чтобы Кэти сказала что-то в поддержку, что она поступила верно. Пауза растянулась на вечность, а потом выскочило окошко – Кэти писала ответ.

И... как прошло?

Уклончиво... ответ. Понятно, подруга боится проявить бестактность.

Вообще-то, круто!

Он хочет со мной встретиться!

По телефону разговаривал адекватно!

Не понимаю, почему мама его так ненавидит.

Кто знает (((Родители странные.

Посмотри на моих, настоящие безумцы!

Так он приедет к тебе?

Нет, я туда еду.

Прямо сейчас.

Что?! Так быстро!

Ты боишься?

Нет, я смертельно взволнована.

Чего бояться?

Ответ пришел сразу же:

Врушка. Ты трусишь!

Дилан расхохоталась и тут же прикрыла рот ладошкой, заметив, что женщина напротив пронзает ее взглядом. Ну точно как Кэти, та всегда видела ее

насквозь.

Ладно. Может, чуть-чуть.

Пытаюсь не думать об этом слишком много.

Просто волнуюсь, когда думаю об этом.

Все будет круто. Тебе все равно надо с ним встретиться. И если твоя мама и правда его ненавидит, то их проживание в разных городах – хорошая идея!

Кстати, как ты туда добираться?

На поезде?

Да, он купил мне билет. Говорит, хочет компенсировать десять потерянных лет.

Дилан нащупала билет в кармане. Надо предупредить папу, что уже едет.

Пап, я в поезде. Села пораньше.

Не могу дождаться нашей встречи :-)) Дилан

Как только она нажала «Отправить», за окном почернело. Потрясающе, подумала она, тоннель. Телефон – дорогой рождественский подарок от Джоан,

за который та расплачивалась несколькими дополнительными сменами в больнице, – выдал на экране одно слово:

Отправляется...

Слово моргнуло три раза, а потом выскочило предупреждение:

Сообщение не отправлено.

– Проклятье, – пробормотала Дилан и зачем-то подняла телефон над головой, понимая, что внутри тоннеля сигнал все равно не пройдет.

Она так и застыла в этой позе, рука вытянута, как у статуи Свободы, когда все произошло. Свет пропал, прозвучал взрыв, и миру пришел конец.

З

Тишина.

Должны слышаться крики, мольбы, что-то еще, подумала Дилан.

Но была лишь тишина.

Темнота давила на нее, как плотное одеяло. Подстегнутая паникой, она подумала, что ослепла. В отчаянии помахала рукой перед лицом, ничего не увидела, но умудрилась ткнуть себе пальцем в глаз. Боль сразу прочистила мозги: они же в тоннеле – вот почему так темно.

Глаза не могли разглядеть даже крошечного лучика света. Дилан попыталась подняться, но ее что-то удерживало. Повернувшись влево, она смогла

опуститься на пол между сиденьями. Левая ладонь попала во что-то липкое и теплое. Она тут же отдернула руку и быстро вытерла о джинсы, стараясь не думать о том, что это могло быть. Правая рука сжимала небольшой предмет – телефон, сообразила она, телефон, который она держала, когда мир перевернулся вверх дном. Дилан с нетерпением нажала кнопку включения, и надежда тут же сменилась разочарованием. Экран был черным. Она потыкала в него пальцами, но тщетно – никаких признаков жизни.

Доползла до прохода, встала на корточки, потом поднялась и сильно ударилась обо что-то головой.

– Дерьмо! Оу!

Рука потянулась к виску, который беспощадно пульсировал. Вроде бы обошлось без крови, но больно было до чертиков. Она снова выпрямилась, в этот раз осторожно и прикрывая голову. Было так темно, что она даже не видела, куда врезалась.

– Эй? – позвала нерешительно. Ни ответа, ни звука движений. Вагон был переполнен, куда все подевались? Она вспомнила про лужицу на полу, в которую вляпалась рукой, но не стала развивать эту мысль.

– Эй? – крикнула она громче. – Меня кто-нибудь слышит? Эй!

На последнем слове голос дрогнул, паника все больше захватывала ее. Дыхание ускорилось, и она попыталась заглушить охвативший ее страх. Темнота вызывала клаустрофобию, и Дилан схватилась за горло. Было такое чувство, что ее душит кто-то. Она была одна, в окружении...

Ей не хотелось об этом думать. Но больше всего не хотелось ни секунды оставаться в этом вагоне.

Она рванула вперед, спотыкаясь и перепрыгивая через предметы, встречавшиеся на пути. Нога наступила на что-то мягкое, скользкое и подозрительно упругое. Подошва кроссовок не нашла сцепления и поехала. Дилан в ужасе попыталась убрать ногу, но вторая нога не смогла найти где приземлиться. На мгновение она увидела себя со стороны: падает, как в замедленной съемке, на что-то ужасное на полу.

О нет!

Дилан ахнула и выкинула руки вперед, чтобы хоть как-то защитить себя во время падения. Руки поймали какой-то шест, и она вцепилась в него пальцами, это замедлило движение, но резко остановилась, из-за чего потянула мышцы в плечах. Движущая сила инерции потащила ее вперед, и она больно ударилась шеей о холодный металл.

Игнорируя пульсацию в шее, Дилан крепко держалась за шест обеими руками, словно он был ее связью с реальностью. Поручень, подсказал ей мозг. Поручень возле двери. Похоже, ты у двери. На нее накатило облегчение, которое позволило думать чуть яснее. Вот почему она одна. Наверное, все остальные уже выбрались и не заметили ее, потому что она была завалена сумками этой дурацкой женщины. Надо было сесть рядом с фанатами «Рейнджерс», подумала она и захихикала. Нашла время смеяться.

Не доверяя в темноте своим ногам, Дилан ощупала пространство возле поручня, рассчитывая наткнуться на открытую дверь. Но кончики пальцев ничего не нашли. Она чуть подалась вперед и наконец обнаружила дверь.

Она была закрыта.

Странно, подумала Дилан. Похоже, все остальные вышли с другой стороны вагона. Как типично для ее везения. Ирония немного успокоила и помогла мыслить ясно. Не желая идти по вагону обратно – эти пугающе мягкие бесформенные предметы, на которые придется наступать! – она ощупью поискала кнопку открытия дверей. Пальцы наконец отыскали ее выпуклые края и нажали, но дверь не открылась.

– Черт побери, – пробормотала Дилан. Понятно, во время аварии вырубилось электричество. Она оглянулась – бессмысленное занятие, потому что все равно ничего не видно. Воображение заполнило пустоты, прокладывая маршрут по вагону: перевернутые сиденья, разбросанный багаж, осколки стекла от окон и... мягкое, липкое что-то, скорее всего, конечности и тела. Нет, туда она не пойдет.

Дилан изо всех сил уперлась руками в двери вагона, и под ее напором они слегка прогнулись. Если приложить побольше усилий, она могла бы их открыть...

Отступила, глубоко вдохнула и, рванув вперед, пнула дверь левой ногой. Звук удара прозвучал оглушительно, до звона в ушах, колени и лодыжка болезненно занули. Тем не менее лицо обдало струей свежего воздуха, и это дарило надежду. Ощупывание подтвердило: одна из секций двери слетела с петель. Если пробить другую, рядом, появится щель, в которую можно протиснуться.

В этот раз Дилан отступила на два шага и бросилась на дверь, как в атаку. Раздался скрежет металла, и створка прогнулась.

Щель была небольшой, но и Дилан была щуплой. Развернувшись боком, она кое-как протиснулась в щель. Раздался звук разрываемой ткани, и Дилан полетела вниз. Ее охватил страх, но как только кроссовки коснулись гравия, приступ клаустрофобии исчез, а горло больше не сжимало.

В тоннеле было так же темно, как и в вагоне. Похоже, она находилась где-то в центре. Дилан посмотрела в одну сторону, потом в другую. Не помогло. Она не видела света, и в тоннеле стояла жуткая тишина, если не считать тихого шума ветра, пронсящегося по каменной трубе.

Вышел месяц из тумана, почему-то вспомнилась детская считалочка. Вздохнув, Дилан повернула направо и потащилась вперед. Куда-то она должна прийти.

В темноте она часто спотыкалась, и это замедляло движение. Временами что-то быстро проносилось у самых ног. Она надеялась, что в этом тоннеле нет крыс. Любое животное меньше кролика вызывало в ней вспышки иррационального страха. Паук в ванной способен был вызвать истерику, которую могла прекратить только Джоан. Если кто-то пробежит по ее кроссовке, включится инстинкт бегства, и она побежит. Но в темноте она наверняка упадет, и падение может быть фатальным.

Тоннель все не заканчивался. Дилан уже подумывала повернуть назад и отправиться в другую сторону, как вдруг увидела впереди точку света. Либо выход, либо спасатель с фонариком. Она заторопилась, отчаянно желая поскорее выбраться.

Прошло довольно много времени, прежде чем точка превратилась в арку. Свет впереди был неяркий, но и этого было достаточно.

Когда она наконец вышла наружу, моросило, и Дилан, радостно засмеявшись, подставила лицо мягкому дождю. Она чувствовала себя грязной, да и была такой; дождь не поможет отмыться, но капельки воды смывали с нее страхи. Глубоко вдохнув, она положила руки на бедра и осмотрелась.

Местность была пустынная – рельсы да насыпь, вдоль которой тянулись кусты. Глазго явно остался позади. Горизонт окружен большими холмами. Низко повисшие облака размывали их очертания, скользя по вершинам. Можно было разглядеть кроны вечнозеленых сосен, торчащих среди деревьев. Пурпурный вереск боролся за пространство с густыми зарослями бурого папоротника. На нижних склонах холмов, затемненных вечнозелеными соснами, неравномерно росли небольшие заросли деревьев. Чем ближе к тоннелю, тем менее покатыми становились склоны, вздымаясь насыпями, покрытыми длинной травой. Ни города, ни дороги не видать, даже отдельно стоящего фермерского домика и то нет. Местность была необжитой и неприветливой.

Дилан закусила губу. Она ожидала увидеть скопление полицейских машин и «Скорых», спешно паркующихся где попало. В телевизионных новостях обычно показывают мужчин и женщин в ярких униформах, готовых утешить, осмотреть раны и задать вопросы. За пределами тоннеля, кутаясь в одеяла, должны стоять группы выживших с пепельными лицами. Ну и где же они? В реальности не было ничего подобного. На глазах Дилан отразились тревога. Где они все?

Развернувшись, она посмотрела на темную пасть тоннеля. Этому не было другого объяснения: похоже, она пошла не в ту сторону. Нет, в самом деле, они все находятся на другом конце. От злости и усталости выступили слезы. Мысль о том, чтобы вернуться в темноту, пройти мимо поезда с безжизненными телами пассажиров, которым не повезло, казалась мучительной. Но вокруг этот чертов тоннель никак не обойти. По обе стороны от него – почти отвесные скалы, кое-где поросшие папоротником.

Дилан посмотрела на небо, умоляя бога все изменить, но увидела лишь серые облака, спокойно бегущие в направлении моря. Тихо всхлипнув, она снова оглядела унылый пейзаж, отчаянно желая увидеть хоть какие-то признаки цивилизации, которые могли бы спасти ее от возвращения в темный тоннель. Поднесла руку ко лбу, защищая глаза от ветра и дождя, и вгляделась в горизонт. И в этот момент увидела его.

Он сидел на холме слева от входа в тоннель, обхватив колени руками, и смотрел на нее. Со своего места она видела лишь, что это парень, скорее подросток, с волосами песочного цвета, которыми играл ветер. Он не поднялся, даже не улыбнулся, когда заметил на себе ее взгляд, – сидел и молча смотрел.

Было что-то странное в том, что он сидит там, – одинокая фигура в пустынном месте. Дилан представить не могла, как он здесь оказался, разве что тоже ехал в поезде. Она помахала ему, радуясь, что может с кем-то разделить этот ужас, но он не ответил. Ей показалось, он слегка напрягся, расправил плечи, но так ли это, было сложно сказать, да и какое это имеет значение.

Не сводя с него взгляда – а вдруг он исчезнет? – она заскользила по гравию и перепрыгнула небольшую канаву, поросшую сорной травой. Дальше был забор из колючей проволоки. Дилан осторожно взялась за проволоку, где не было колючек, и потянула вниз. Забор опустился, и она смогла неуклюже перекинуть одну ногу. Но запуталась второй ногой и, чтобы не упасть, вцепилась прямо в колючки. Они впились в ладони, протыкая кожу, проступили капельки крови. Дилан мельком взглянула на руку и вытерла ее о джинсы. Темное пятно на них заставило приглядеться повнимательнее. Не просто темное – большое бурое пятно. Она уставилась на него на мгновение, но потом вспомнила, как вляпалась во что-то липкое, когда сползла с сиденья. Дилан побледнела, ее чуть не вывернуло.

Встряхнув головой, чтобы избавиться от замелькавших перед глазами тошнотворных картинок, которые услужливо подсовывало воображение, она перевела взгляд на парня. Он сидел на склоне в пятидесяти метрах над ней. На таком расстоянии она видела его лицо и приветливо улыбнулась.

Он не ответил.

Дилан немного растерялась – что это с ним? – и, глядя в землю, стала подниматься по холму. Подниматься было сложно. Склон холма был крутым, а мокрая трава – скользкой, и вскоре она стала задыхаться. Так как она смотрела под ноги, у нее был предлог не смотреть на него – пока не пришлось это сделать.

Парень на холме холодным взглядом наблюдал за девушкой, как только она вышла из тоннеля. Не вышла – вынырнула из темноты, словно напуганный кролик из норки. Он не стал кричать, чтобы привлечь ее внимание, – просто ждал, когда она его увидит. В какой-то момент он забеспокоился, что она вернется в тоннель, и решил ее позвать, но девушка передумала возвращаться. Не было никакой необходимости звать ее – она его заметит.

Он оказался прав. Даже издалека он разглядел плескавшееся в ее глаза облегчение, когда она энергично помахала ему рукой. Но он ей не ответил. Видно было, что это ее удивило, но потом она направилась к нему. Девчонка двигалась неуклюже, запуталась в заборе из колючей проволоки и скользила по мокрой траве. А когда оказалась довольно близко, чтобы увидеть выражение его лица, он отвернулся.

Контакт произошел.

Дилан наконец дошла до него и смогла получше рассмотреть. Она в точку попала с возрастом – от силы на год старше. На нем были джинсы, кроссовки и теплый темно-синий джемпер со словом «Бронкос», написанным рельефными оранжевыми буквами. Так как он сидел согнувшись, сложно было определить его рост, но, скорее всего, средний. Довольно загорелый, с веснушками на носу. Лицо его было беспристрастным, а как только Дилан подошла ближе, он отвернулся и стал смотреть на пустынный ландшафт. Даже когда она встала перед ним, он не поднял голову. Это сбивало с толку, и Дилан заерзала на месте, не зная, что сказать.

– Привет, я Дилан, – наконец пробормотала она и в ожидании ответа стала переступать с ноги на ногу и отвела взгляд в ту же сторону, гадая, на что же он смотрит.

– Тристан, – ответил парень, быстро взглянул на нее и снова отвернулся.

Дилан была рада, что он хотя бы ответил, и сделала еще одну попытку завести разговор.

– Ты, наверное, тоже был в поезде. Я так рада, что не единственная здесь! Похоже, я потеряла сознание в вагоне, а очнулась уже в полной темноте и... одна. – Она произнесла это очень быстро, нервничая из-за его равнодушия. – Все остальные пассажиры уже ушли, а меня, наверное, не заметили. Там была тетка с кучей сумок – я застряла под ними. А когда выбралась, то не могла понять, куда все делось, но мне кажется, что мы просто вышли не с той стороны тоннеля. Готова поспорить, пожарные, полиция и все остальные находятся по другую сторону.

– Поезд? – Он повернулся к ней, и она впервые заглянула в его глаза. Они были голубыми, как лед, и такими же холодными. Кобальтовыми. Ей показалось, они могли заморозить ее кровь, если бы парень злился, но сейчас в его глазах отражалось любопытство. Он рассматривал ее с долей секунды, а потом перевел взгляд в сторону тоннеля. – Точно. Поезд.

Она выжидающе уставилась на него, но он, похоже, ничего больше не собирался сказать. Закусив губу, Дилан прокляла свою удачу: единственный здесь человек – этот парень-подросток. Взрослый знал бы, что делать. А еще, хотя ей не хотелось в этом признаваться, она всегда нервничала из-за таких парней. Слишком спокойные и слишком уверенные в себе – рядом с ними она всегда чувствовала себя полной идиоткой.

– Может, нам пройти через тоннель в другую сторону? – предложила она. В компании с этим парнем (даже с этим парнем) это было бы не так ужасно. Они могли бы встретиться с другими пассажирами, но главное – спасательными службами, и она бы еще успела спасти выходные с папой.

Парень перевел на нее свой ледяной взгляд, и ей пришлось сдержаться, чтобы невольно не отступить назад. Его глаза притягивали, словно магниты, и они точно видели ее насквозь. Дилан почувствовала себя обнаженной, практически голый. Она неосознанно скрестила руки на груди, словно пыталась прикрыться.

– Нет, мы не можем там пройти.

Его голос звучал безразлично, точно его совершенно не волновала ситуация, в которой они оказались. Точно он мог вечно спокойно сидеть на склоне этого холма.

Ну, подумала Дилан, а я так не могу.

Посмотрев на нее еще какое-то время, парень снова перевел взгляд на холмы. Дилан закусила нижнюю губу, придумывая, что сказать.

– У тебя есть телефон, чтобы кому-нибудь позвонить, например в полицию? Мой сдох во время аварии. И мне надо позвонить маме; когда она услышит, что случилось, то с ума сойдет. Она чересчур меня опекает и захочет знать, что я в порядке, чтобы сказать: «Я же тебе говорила...» – Дилан замолчала.

В этот раз он на нее даже не посмотрел.

– Телефоны здесь не работают.

– О... – Теперь она начала злиться. Они застряли здесь одни, без взрослых, и нет никакого способа с ними связаться, а он не предлагал никаких планов спасения. Но, кроме него, здесь никого не было. – Тогда что же нам делать? – растерянно спросила она.

Вместо того чтобы ответить, он вдруг поднялся. Парень оказался намного выше, чем она бы подумала. Он посмотрел на нее, ухмыльнулся и пошел прочь.

Дилан несколько раз открыла и закрыла рот, но не издала ни звука. Она стояла, не двигаясь и молча, прикованная к месту из-за этого странного парня. Он что, собирается оставить ее здесь? Одну?

На этот вопрос ответ она получила быстро. Парень прошел десять метров, остановился, повернулся и посмотрел на нее.

– Ты идешь?

– Иду? Куда? – спросила Дилан. Ей не хотелось покидать место аварии. Логично было остаться здесь. По крайней мере, здесь их найдут. Кроме того, откуда он знает, куда идти? День уже подходил к концу, и скоро станет темно. Поднимался ветер, было холодно; она не хотела потеряться и провести ночь непонятно где.

Но его уверенность заставила ее засомневаться. Он как будто заметил ее нерешительность. Снисходительно посмотрел на нее и произнес голосом, полным превосходства:

- Я не собираюсь сидеть и ждать. Можешь оставаться здесь, если хочешь.

Он наблюдал за ее реакцией, явно наслаждаясь. У Дилан округлились глаза от мысли, что она останется одна. Что, если придет ночь, а никто так и не появится?

- Мне кажется, мы должны остаться... - начала она, но он уже качал головой.

Он вернулся с таким видом, будто делает одолжение. Теперь он стоял так близко к ней, что она чувствовала его дыхание на лице. Дилан посмотрела ему в глаза и почувствовала, что тонет. Его взгляд покорял; она не смогла бы отвернуться, даже если б захотела.

- Иди со мной, - скомандовал он голосом, не оставлявшим места возражению. Это был приказ, и он ожидал, что она подчинится.

Странно, но ей в голову не пришло ослушаться.

Оцепенело кивнув, она потащилась за ним.

Парень снова пошел, поднимаясь по холму дальше от тоннеля. Он знал, что она идет следом. Эта девчонка обладает внутренней силой. Но все равно, так или иначе, подчинилась его воле.

5

- Подожди, стой! Куда мы идем?

Дилан остановилась, запыхавшись, и скрестила руки на груди, не желая идти дальше. Но потом все же последовала за ним.

Они шли уже двадцать минут непонятно в каком направлении. После короткого «иди за мной» Тристан больше ни слова не произнес, и все вопросы, все причины остались у тоннеля, испарившиеся из головы Дилан после того, как он приказал следовать за ним, теперь вернулись и не давали покоя.

Словно почувствовав это, он прошел еще несколько шагов, затем повернулся и посмотрел на нее, вскинув брови.

– Что?

– Что?! – голос Дилан взлетел на октаву выше. – Мы только что пережили крушение поезда, все остальные пассажиры как будто исчезли. Я понятия не имею, где мы, а ты ведешь меня непонятно куда, подальше от того места, где нас будут искать!

– И как ты думаешь, кто нас ищет?

На его лицо снова вернулась высокомерная ухмылка.

Дилан на мгновение нахмурилась, сбитая с толку этим странным вопросом, а потом сказала:

– Ну, во-первых, полиция. Мои родители. – Дилан впервые ощутила трепет, произнося это слово во множественном числе. – Когда поезд не прибудет на следующую станцию, ты не думаешь, что железнодорожная компания задастся вопросом, где он?

Она выгнула брови, с удовлетворением отметив силу своих рассуждений, и стала ждать ответа.

Он засмеялся. Смех был почти музыкален, но подкреплен глумлением. Такая реакция смутила и взбесила ее. Дилан поджала губы, выжидая кульминации, но ее не последовало. Вместо этого он просто улыбнулся. Улыбка изменила его лицо, смягчив равнодушие, полную отстраненность от всего. Но все равно что-то в ней было не так. Не так? Она казалась искренней, но не коснулась глаз. Они оставались ледяными.

Парень подошел к Дилан и чуть наклонился, чтобы посмотреть в ее испуганные зеленые глаза своими кобальтово-голубыми. Ей стало некомфортно из-за такой близости, но она не отшатнулась.

– Если я скажу тебе, что ты находишься не там, где думаешь, что ты скажешь? – спросил он.

– Что?

Дилан была совершенно сбита с толку и совсем не слабо напугана. Его высокомерие сводило с ума. Он насмехается над ней на каждом шагу и несет такую вот чепуху. В чем смысл его вопроса, кроме как одурачить ее и заставить сомневаться в себе?

– Забудь, – фыркнул он, заметив выражение ее лица. – Обернись. Ты смогла бы снова найти тоннель, если бы пришлось?

Дилан оглянулась. Пейзаж был пустым и незнакомым. Все выглядело одинаково. Куда ни кинь взгляд, везде крутые, продуваемые всеми ветрами холмы и овражистые равнины, в которых скрывались от ветра чахлые растения. Никаких признаков входа в тоннель, нет даже рельсов. Странно... они не так далеко ушли. Дилан почувствовала, как в груди все сжалось. Она осознала, что понятия не имеет, с какой стороны они пришли, и теперь точно потеряется, если Тристан от нее уйдет.

– Нет, – прошептала она, понимая, что у нее нет выхода, кроме как довериться этому неприветливому незнакомцу.

Тристан засмеялся, наблюдая за выражением ее лица.

– Похоже, ты застряла со мной. – Он снова зашагал вперед.

Расстроенная Дилан стояла неподвижно, но, когда расстояние между ними начало увеличиваться, ноги сами собой понесли ее за этим странным парнем. Она перелезла через небольшое скопление валунов и, пробежав по низкой траве, сократила разрыв. Тристан продолжил шагать, длинные ноги и быстрая походка позволили ему довольно быстро оторваться.

- Ты знаешь, куда идти? - пропыхтела она, спеша его догнать.

- Да. - И снова эта раздражающая улыбка.

- Откуда?

Из-за быстрого шага ей пришлось перейти на короткие вопросы.

- Потому что я был здесь прежде, - ответил он.

Этот уверенный в себе парень полностью контролировал ситуацию - и подчинил Дилан себе. Как бы ей этого ни хотелось, у нее не оставалось другого выбора, кроме как довериться ему.

- Пожалуйста, ты можешь идти помедленнее? - Нетренированные ноги уже горели.

- Ох, извини, - сказал Тристан; несмотря на все его равнодушие, по-видимому, именно это он и имел в виду: он извинялся. Во всяком случае, сбавил скорость.

Дилан признательно кивнула и продолжила задавать вопросы.

- Здесь неподалеку город или что-то еще? Есть место, где работают телефоны?

- В этой пустоши ничего нет, - пробормотал Тристан.

Дилан обеспокоенно прикусила губу. Мама будет волноваться. Разрешив отправиться в эту поездку, Джоан поставила несколько условий, и одно из них - позвонить, как только она доберется и встретится с отцом. Дилан не знала, сколько времени прошло, - очевидно, в поезде она некоторое время провела без сознания, - но, скорее всего, Джоан уже знает про крушение. Если Дилан не позвонит или не отправит эсэмэску, тут же начнет психовать.

Еще она представила, что ее на станции, возможно, встречает папа. А вдруг он подумает, что она не захотела приехать, испугалась? Это ужасно... Нет, людям на станции расскажут про катастрофу. А это еще хуже. Больше всего Дилан сейчас хотелось предупредить родителей, что с ней все в порядке. Понятно, что

когда все разрешится, уже будет поздно ехать в Абердин. Остается надеяться, что отец захочет купить ей еще один билет. Впрочем... железнодорожная компания должна как минимум дать мне один бесплатный, подумала она. Но после такого Джоан меньше всего захочет ее отпускать. Может, отец сможет приехать в Глазго?

Тут она остановилась. Если рядом нет города или хотя бы фермы, а дело уже близится к вечеру, что они будут делать, когда стемнеет?

Она осмотрелась, выискивая признаки цивилизации. Тристан был прав: ничего.

- Ты сказал, что был здесь прежде, - начала она. К этому моменту они поднялись на вершину холма и теперь спускались с другой стороны; спуск был таким крутым, что Дилан безотрывно смотрела под ноги, опасаясь скатиться кубарем. Если бы она посмотрела на лицо Тристана, то увидела бы отразившуюся на нем настороженность. - Когда именно это было?

В ответ она не получила ничего, кроме молчания.

- Тристан?

Так много вопросов на такой ранней стадии. Тристану это казалось тревожным признаком. Он попытался разрядить атмосферу, хохотнув, но Дилан скривилась и в этот раз все-таки взглянула на него.

Он сменил выражение лица на более убедительное.

- Ты всегда задаешь так много вопросов? - выгнул он бровь.

Дилан это так задело, что она замолчала. Отвернулась от него и посмотрела на небо. Облака окрашивались в стальной серый и темнели с каждой минутой. Так вот в чем дело, понял Тристан.

- Боишься темноты? - спросил он.

Она наморщила нос, игнорируя его.

– Слушай, – продолжил он, – нам потребуется много времени, чтобы добраться туда, куда мы идем. И, боюсь, придется примириться с лишениями.

Дилан скривила лицо. Она не имела опыта походов, но была уверена, что любое времяпрепровождение со сном на открытом воздухе без доступа к кухне, ванной и теплой кровати совсем не по ней.

– У нас нет палатки. Или спальных мешков. Или даже еды, – пожаловалась она. – Может, вернуться к тоннелю и проверить, ищут ли нас?

Он снова высокомерно закатил глаза.

– Уже слишком поздно для этого! В итоге будем бродить в полной темноте. Я знаю безопасное место. Мы выживем. Худшее уже позади.

Странно, но Дилан почти не думала о крушении поезда. Как только она выбралась из тоннеля, Тристан так основательно взял ее под свой контроль, что ей ничего не оставалось, как последовать за ним. К тому же все так быстро закончилось, что она не совсем понимала, что именно произошло.

– Видишь? – спросил Тристан, вырывая Дилан из ее мыслей и показывая на разрушенный коттедж, лачугу, стоящую в полумиле от них в узкой долине у подножия холма. Граница обозначалась обветшалой каменной стеной. Строение выглядело давно заброшенным. В крыше зияли большие дыры, дверь и окна отсутствовали, наверняка следующее десятилетие полностью обрушит эту халупу.

– Ты хочешь, чтобы мы остались на ночь здесь? Да ты посмотри повнимательнее! Тут только половина крыши! Если другая половина не рухнет нам на голову, мы замерзнем!

– Нет, не замерзнем. – Голос Тристана был полон презрения. – Дождь едва идет. Скоро, возможно, вообще закончится, а там намного безопаснее.

– Я там не останусь.

Дилан была настроена решительно. Нет ничего менее комфортного, чем провести ночь в сыром, холодном, полуразвалившемся сарае!

– Останешься. Или иди дальше сама. Скоро совсем стемнеет. Удачи.

Эти слова были произнесены без всякого выражения, и Дилан не сомневалась, что парень говорит искренне. Что она могла сделать?

* * *

Вблизи коттедж не выглядел привлекательнее. В саду буйствовала девственная природа; чтобы добраться до входной двери, им пришлось продирается сквозь чертополох, ежевику и пучки пышной травы. Но когда они оказались внутри, Дилан повеселела. Несмотря на дыры, ветер почти не проникал внутрь, а под крышей, там, где она уцелела, был сухой пол. Даже если ночью пойдет дождь, у них есть шанс не промокнуть. Однако все тут было перевернуто вверх дном. Предыдущий владелец оставил довольно много вещей и кое-какую ветхую мебель, но почти все было сломано и раскидано.

Тристан передвинул на сухое место стол и стул и перевернул ведро, чтобы сесть. Дилан он жестом предложил устроиться на стуле. Она неуверенно села, опасаясь, как бы он не развалился под ней. Стул выдержал, и воцарилась очень неловкая тишина. Снаружи хотя бы ветер дул, да и опасная местность отвлекала. А здесь ничего другого не оставалось, кроме как сидеть и пытаться не пялиться на Тристана. Дилан почувствовала себя не в своей тарелке – заперта в заброшенном доме с незнакомым парнем. С другой стороны, потрясение сегодняшнего дня наконец начало доходить до ее сознания, и ей отчаянно захотелось поговорить о том, что произошло. Она рассматривала Тристана, гадая, как прервать тишину.

– Как думаешь, что случилось? Я имею в виду, с поездом.

– Не знаю. Наверное, попал в аварию. Может, тоннель обвалился или случилось что-то еще.

Он пожал плечами и уставился поверх ее головы. Язык его тела подсказывал, что он не хочет об этом говорить, но Дилан не собиралась сдаваться так просто.

- Но что произошло со всеми остальными? Такого не может быть, чтобы выжили только мы. Что случилось с твоим вагоном?

В ее глазах горело любопытство.

Он снова сдержанно и безразлично пожал плечами.

- Полагаю, то же, что и с твоим.

Он отвел взгляд, и Дилан заметила, что ему неловко. Разве ему не хочется об этом поговорить? Она не понимала.

- Почему ты там был? - Он резко и испуганно вскинул голову, и Дилан быстро пояснила: - Я имею в виду, почему ты ехал в этом поезде? К кому-то в гости?

Она вдруг пожалела, что спросила об этом. В его глазах промелькнуло то, что ей не понравилось, - настороженность.

- Моя тетя живет на северо-востоке.

Своим тоном он поставил точку в этом разговоре.

Дилан задумчиво побарабанила пальцами по столу. Поездка к тете не вызывала подозрений, но интересно, нет ли здесь чего-то более зловещего? Почему он такой загадочный, и беспристрастный и беспокойный одновременно? Может, рядом с ней сидит преступник? Или после такого потрясения ее охватила паранойя?

- Что мы будем делать с едой? - спросила она, чтобы сменить тему, потому что его отчужденность нервировала.

- Ты голодна? - немного опешил он.

Дилан задумалась и, к своему удивлению, обнаружила, что ответ - нет. В последний раз она ела по дороге к вокзалу. Гамбургер на бегу с теплой диетической коллой. Это было несколько часов назад. Хоть она и была очень

худой, но ела обычно как лошадь. Джоан всегда шутила, что однажды ее дочь проснется и будет весить за сто килограммов. Возможно, потеря аппетита была симптомом шока.

- По крайней мере, нам понадобится вода, - сказала она, но когда слова сорвались с губ, поняла, что и жажда ее тоже не мучает.

- Ну там есть ручеек, - ответил он насмешливо. - Но не могу сказать, чистый ли он.

Дилан представила, как пьет воду с грязью и жучками в ней, - не очень-то привлекательно. Кроме того, подумала она, если пить воду, понадобится ходить в туалет, а в доме его нет. Облака быстро несли за собой ночь, и ей не хотелось выходить одной в темноту по нужде. Придется разбираться с крапивой и чертополохом, к тому же она побоится отойти далеко, а значит, он будет слышать. Все это слишком смущало.

Тристан словно прочитал ее мысли. Он отвернулся к окну, но Дилан заметила, как предательски приподнялась его щека. Он смеялся над ней!

Дилан прищурилась и сердито отвела взгляд в другую сторону, там тоже когда-то было окно. За ним она почти ничего не видела, лишь очертания холмов вдаль. Наступление ночи заставляло ее нервничать.

- Ты думаешь, мы здесь в безопасности? - спросила она.

Тристан повернулся к ней.

- Не волнуйся, - сказал он ровным бесстрастным тоном, - там ничего нет.

Отчуждение в его словах было таким же пугающим, как мысль, что где-то там в темноте бегают странные существа, и Дилан непроизвольно вздрогнула.

- Тебе холодно? - Он не стал ждать ответа. - Вот там находится камин. У меня есть спички - возможно, смогу его разжечь.

Он поднялся и пошагал к каменному камину, пристроившемуся под оставшимся куском крыши. Похоже, каминная труба поддерживала стену, и благодаря ей эта часть коттеджа находилась в лучшем состоянии. Рядом с камином валялись дрова, которые Тристан собрал и тщательно расположил в форме шаткого вигвама. Дилан наблюдала за его работой, замороженная спокойной сосредоточенностью. Потянувшись к карману, он бросил взгляд в ее сторону, и Дилан поспешно отвернулась к окну. Ее щеки окрасил румянец, и она понадеялась, что он ничего не заметил. Тихий смешок от камина подтвердил, что заметил, и она заерзала на стуле, сгорая от стыда. Чирканье спички и сразу – легкий запах дыма. Она представила, как он поднес спичку к дровам и пытается поддержать огонь, но решительно смотрела в окно.

– Если не подует штормовой ветер, то через несколько минут согреемся.

Парень поднялся и вернулся на свое импровизированное сиденье.

– Спасибо, – искренне пробормотала Дилан. Она была благодарна ему за огонь; он прогнал темноту, накрывающую это место. Она все-таки повернулась и посмотрела на пламя; было приятно наблюдать за тем, как оно прыгает по дровам. Вскоре от камина пошло тепло, окутывая их.

Тристан снова уставился в свое окно, хотя смотреть было не на что. Потратив все силы на то, чтобы завести разговор, который этот странный парень не поддерживал, Дилан не посмела прервать его раздумья. Вместо этого она сложила руки на столе, опустила на них подбородок и стала смотреть на огонь. Танцующее пламя гипнотизировало, и вскоре она почувствовала, как тяжелеют веки.

Уже засыпая, она услышала вой пронсящегося за непрочными стенами ветра. Она не ощущала холода, но слышала вой, когда он задувал в щели и трещины. Казалось, что он ищет способ пробраться внутрь. Звук был жуткий. Дилан задрожала, но постаралась скрыть это от Тристана.

Это всего лишь ветер, ничего больше.

Открыв глаза, Дилан снова оказалась в поезде. Она моргнула, на мгновение сбитая с толку, но потом приняла этот странный поворот событий, разве что плечами пожала.

Поезд дергался и трясся, проезжая по стрелочным переводам, а потом утих до спокойно вибрирующего гула. Она закрыла глаза и откинула голову на сиденье.

Показалось, что прошла всего секунда, но, когда она снова открыла глаза, что-то изменилось. Дилан растерянно нахмурилась. Похоже, снова заснула. Яркое освещение вагона резало глаза, и ей пришлось щуриться. Она потрясла головой, чтобы очистить сознание, и заерзала на сиденье. Сумки женщины занимали невероятно много места, из ярко-оранжевого хозяйственного баула что-то втыкалось в ее ребра, причиняя боль.

Она вспомнила, что обещала написать папе, как только сядет в поезд, и с трудом вытащила из кармана телефон. Одна из огромных хозяйственных сумок от ее движения поползла к краю, но сидящая напротив женщина потянулась и вернула ее на место. Дилан услышала, как она рассерженно что-то выговаривает, но проигнорировала ее. Оживив экран, она начала писать.

Пап, я в поезде.

Едем без опоздания...

Из-за внезапного рывка поезда рука дернулась, и телефон выскочил. Дилан попыталась поймать его другой рукой, но коснулась лишь нижнего края. Телефон полетел, кувыркаясь, в сторону прохода, затем с ужасным треском приземлился на пол и заскользил по вагону.

- Дерьмо, - тихо пробормотала она.

Ее пальцы несколько секунд ощупывали пол, пока не наткнулись на телефон. Он был липким - похоже, какие-то придурки разлили по полу сок.

Дилан поднесла телефон к глазам, чтобы оценить нанесенный ущерб. Но вместо сока он был покрыт густой темно-красной субстанцией, которая стекала по брелоку в форме сердца и медленно капала с нижнего края, образуя на джинсах в районе коленей небольшие кляксы. Она растерянно подняла голову и впервые столкнулась взглядом с сидящей напротив женщиной. Ее глаза безжизненно смотрели на нее в ответ. Из головы сочилась кровь, серые губы были разведены в крике. Дилан осмотрелась и заметила двух фанатов «Рейнджерс», которых пыталась избежать при посадке. Они лежали, обхватив друг друга руками, головы наклонены под каким-то неправильным углом. После еще одного рывка поезда тела качнулись вперед, словно марионетки, и стало видно, что с шеями головы соединены тонкими нитями сухожилий. Дилан открыла рот, чтобы закричать, но мир разорвало на части.

Все началось со скрежещущего звука, от которого у Дилан свело зубы и который распилил каждый нерв в ее теле. Металл столкнулся с металлом и разорвался на части. Свет заморгал, а поезд как будто забрыкался под ногами. Ее с невероятной силой откинуло вперед, прямо к мертвой женщине напротив. Руки женщины словно готовились обнять ее, открытый рот растянулся в отвратительной улыбке.

– Дилан! – Голос, сначала незнакомый, потянул ее обратно. – Дилан, очнись!

Кто-то сильно тряс ее за плечо.

Дилан резко подняла голову со стола и уставилась в обеспокоенные голубые глаза.

– Ты кричала, – произнес Тристан, и на сей раз его голос был тревожным. Ее все еще окутывал ужас этого сна. Перед глазами стояла мертвая улыбка женщины, добавляя адреналина в кровь. Но это было не по-настоящему. Ее дыхание постепенно замедлилось, как только реальность вновь заявила о себе.

– Ночной кошмар, – смущенно пробормотала Дилан. Она выпрямилась и, избегая его взгляда, осмотрелась. Огонь давно погас, но небо начало окрашиваться первыми лучами зари, и она смогла рассмотреть обстановку.

На утреннем свете жилище выглядело неприветливо. Стены когда-то были выкрашены в бежевый цвет, но краска давно выцвела и начала сходить. По углам цвела плесень, кое-где пророс мох. Поломанная мебель и разбросанные пожитки вызывали чувство сожаления. Дилан попыталась представить человека, который когда-то с любовью обустроивал эту комнату, украшал ее предметами, имеющими для него значение. Где он? Что с ним произошло? Она поперхнулась. Горло сжалось, в глазах закипели слезы, но она сдержалась.

- Нам надо идти, - ворвался в ее невеселые мысли голос Тристана.

- Да, - выдавила она.

Видимо, в ее собственном голосе было что-то такое, что Тристан посмотрел на нее пристально.

- Ты в порядке?

- В порядке.

Дилан глубоко вдохнула и попыталась улыбнуться. Улыбка вышла неубедительной, но она надеялась, что он примет и такую. Парень слегка прищурился, но кивнул.

- Итак, каков наш план? - спросила Дилан живо, стараясь загладить неловкость. В некоторой степени получилось.

Уголок рта Тристана приподнялся в улыбке, и он направился к двери.

- Мы пойдем. Туда.

Он встал в проеме, засунув руки в карманы джинсов и выжидая, когда она к нему присоединится.

- Что, прямо сейчас? - недоверчиво спросила Дилан.

- Ага, - коротко ответил он и исчез в туманной дымке.

Дилан ошеломленно уставилась на дверной проем. Они не могли просто так уйти. Не попив воды из ручейка, пусть даже она грязная, не попытавшись отыскать хоть немного еды и даже не помывшись. Интересно, что он сделает, если она откажется следовать за ним? Вот сядет здесь и будет сидеть... Вероятно, он пойдет дальше.

- Проклятье, - пробормотала Дилан и неуклюже потопала за парнем.

* * *

- Тристан, это какое-то безумие.

- Ну что теперь? - Он повернулся к Дилан, в его глазах светилось раздражение.

- Мы идем уже много часов подряд.

- И?

- Ну поезд разбился в часе езды на север от Глазго. В этой части Шотландии нет такого места, откуда можно было бы столько идти и ничего не найти.

Он посмотрел на Дилан, оценивая ее.

- К чему ты клонишь?

- Я клоню к тому, что мы, похоже, ходим кругами. Если бы ты действительно знал, куда мы идем, то мы бы уже туда добрались. - Дилан поставила руки на бедра, приготовившись к спору, но Тристан, к ее удивлению, как будто испытал облегчение: лицо у него было благодушным. Ее это сбilo с толку. - Мы не можем просто так двигаться дальше, - продолжила она, но уже не так уверенно.

- У тебя есть идея получше?

- Да, моей идеей получше было остаться у тоннеля, где нас точно кто-нибудь нашел бы.

Он снова улыбнулся, но уже по-другому. Утренний Тристан, проявлявший некоторое беспокойство, исчез – теперь перед Дилан был вчерашний высокомерный и язвительный Тристан.

– Уже слишком поздно, – фыркнул он, развернулся и зашагал вперед. Дилан огорченно посмотрела на его спину. Он был таким грубым, да как такого вообще можно терпеть?

– Нет, Тристан, я серьезно. Остановись!

Она попыталась добавить уверенности в свой голос, но даже сама слышала в нем отчаяние. Вместо ответа раздался язвительный вздох.

– Тристан, я хочу вернуться.

Парень остановился и снова развернулся к ней. Она заметила, что ему с большим трудом удавалось сохранять невозмутимость.

– Нет.

Дилан изумленно уставилась на него. Да кем он себя возомнил?! Старше ее на пару лет, и он ей не мама. Строит из себя босса... Она скрестила руки на груди и прищурилась.

– В каком смысле – нет? Никто не назначал тебя главным. Ты не можешь решать, куда мне идти. Ты такой же пострадавший, как и я. Я. Хочу. Вернуться.

Она выделила каждое слово, словно это могло осуществить ее желание.

– Ты не можешь вернуться, Дилан. Ничего нет.

Заинтригованная его словами, Дилан нахмурилась.

– О чем ты говоришь? Чего нет?

Его загадочные высказывания начинали действовать на нервы.

– Ничего, понятно? Ничего. – Он покачал головой, точно пытался подыскать верные слова. – Слушай, доверься мне. – Его глаза прожигали ее. – Мы уже далеко зашли. Потребуется столько же времени, чтобы вернуться и снова найти тоннель. Я знаю, куда иду. Обещаю.

Дилан нерешительно переступила с ноги на ногу. Ей отчаянно хотелось вернуться к месту крушения, она была уверена, что там будет кто-то, кто сможет все исправить. С другой стороны, сама она не сможет найти дорогу, к тому же идти одной было страшно.

Он словно почувствовал ее замешательство. Подошел к ней невероятно близко и нагнулся, чтобы заглянуть в глаза. Дилан хотела отступить, но застыла на месте, как кролик перед удавом. В голове шумело, от его близости она никак не могла собраться с мыслями.

– Нам надо идти туда, – прошептал Тристан. – Ты должна пойти со мной. – Он внимательно посмотрел на нее, наблюдая за расширяющимися зрачками, почти скрытыми зеленым цветом, и удовлетворенно улыбнулся. – Идем, – приказал он.

Ноги Дилан подчинились.

Дорога, дорога, снова дорога. Ее ноги тащились по болотистой местности, которая, вопреки правилам (она помнила, что болота бывают только в низинах), поднималась в гору. Каждый ее шаг сопровождался холодным хлюпаньем в кроссовках. Расклеванные джинсы промокли почти до колен, и каждый шаг давался со все большим трудом.

Тристана не смущали ее ворчание и грозные взгляды (которых он не видел, потому что она шла позади). Он сохранял высокий темп, молчаливый и полный решимости. Временами, если Дилан спотыкалась, он оборачивался, но, убедившись, что с ней все хорошо, упорно продолжал идти вперед.

Дилан угнетала эта ситуация. Их молчание напоминало непробиваемую кирпичную стену. Тристана, похоже, бесило, что ему пришлось возиться с ней. Но ведь его никто и не просил, просто так сложилось. Он был как старший брат, которому навязали младшую сестренку. (Это была самая утешительная мысль.) Не оставалось ничего другого, кроме как принять эту роль и плестись за ним. Дилан была слишком напугана, чтобы поговорить с этим странным парнем

насчет его враждебного поведения. Она засунула подбородок в ворот джемпера и вздохнула. Тут даже дороги никакой нет. В мокрой траве спрятались ямы и кочки, которым не терпелось ей насолить. Неужели он правда знает, куда они идут?

На вершине очередного холма Тристан наконец остановился.

- Тебе нужно немного отдохнуть?

Дилан подняла голову, и у нее заныла шея: она слишком долго шла с опущенной головой, разглядывая, что там под ногами.

- Да, было бы неплохо.

После столь продолжительного молчания она думала, что будет разговаривать шепотом, но бушующий вокруг ветер тут же подхватил ее слова и отнес в сторону. Но Тристан понял, что она хотела сказать, и свернул к огромному камню, торчащему из травы и вереска. Прислонившись к нему, он устремил свой взгляд вперед, словно стоял на посту.

У Дилан не осталось никаких сил, чтобы отыскать сухое место, - она опустилась на землю там же, где стояла. Влага почти сразу начала просачиваться сквозь джинсы, но ей уже было все равно - она настолько замерзла и промокла, что не заметила изменений. Думать, спорить - ничего этого она не могла. Теперь она была готова вслепую следовать за Тристаном, куда бы он ее ни повел. Возможно, он сразу все так запланировал, угрюмо подумала она.

Это было странно; каким-то шестым чувством Дилан понимала, что что-то не так. Они шли почти два дня и никого не встретили, она ничего не ела и не пила все это время, но при этом не хотела есть или пить, и, наконец - что пугало больше всего, - она не общалась с родителями уже двое суток, ни мама, ни отец понятия не имели, что она в порядке, они, наверное, с ума сошли... Мысли роились в ее голове, но она не могла на них сосредоточиться. Так, в общих чертах, и это тоже было странным.

Тристан вдруг посмотрел в ее сторону, а она была слишком погружена в мысли, чтобы вовремя отвернуться, и, как всегда, лаконично, спросил:

– Что?

Дилан закусила губу, гадая, какой из миллионов вопросов задать ему первым. С этим парнем было сложно общаться. Взять, к примеру, то, что он не задал ни единого вопроса о ней. Совсем не любопытно? А может, он жалел, что не ушел сразу, как только вышел из тоннеля? Сидел как дурак и ждал, когда появится кто-то еще... Дилан подумала, что, уйди он, так было бы лучше и для нее. Она бы постояла у входа в тоннель и, если бы никто не вышел, убедила бы себя вернуться и выйти с другой стороны. К этому моменту она была бы уже дома и спорила с Джоан насчет следующей поездки в Абердин.

Откуда-то слева раздался вой. Пронзительный, печальный, словно какому-то животному больно. Эхо разнесло звук по холмам, звук был жуткий, и Дилан задрожала.

– Что это было? – спросила она.

Тристан равнодушно пожал плечами.

– Всего лишь зверь. Некоторое время назад здесь встретили волков. Не волнуйся, – добавил он, заметив, что Дилан вздрогнула. – Здесь в округе куча оленей. Тобой они не заинтересуются.

Он посмотрел на темнеющее небо. Уже наступал вечер, а Дилан и не заметила. Неужели они так долго шли?

Дилан обхватила себя руками, чтобы согреться. Ветер подул сильнее. Кружа вокруг нее, он ерошил волосы, отчего пряди танцевали перед ее глазами, словно тени. Она попыталась их откинуть, но пальцы наткнулись лишь на воздух.

Тристан оттолкнулся от камня, рядом с которым стоял.

– Ничего не изменилось, нам пора выдвигаться, – сказал он. – Мы же не хотим застрять на вершине холма, когда стемнеет, да?

* * *

За невероятно короткий промежуток времени темнота сгустилась. Дилан почти ничего не видела, пока они спускались. Склон был усыпан мелкими камнями, скользкими после недавнего дождя. Камни выскакивали из-под ног, и Дилан шла осторожно, боясь поскользнуться. Она ощущала нетерпение Тристана. Он тоже замедлил ход и шел на расстоянии вытянутой руки от нее, с тем, чтобы попридержать, если она упадет. Кроме ветра и своего дыхания, Дилан временами слышала странные шорохи – вероятно, поблизости были животные.

– Стой. – Тристан предостерегающе выбросил руку. Она широко раскрыла глаза, по телу разлилось дурное предчувствие.

Парень стоял неподвижно, весь во внимании. Все мышцы его тела напряглись, приготовились к действиям. Глаза были сосредоточены на чем-то вдали и быстро перемещались, он словно сканировал местность. Брови сошлись на переносице, рот вытянулся в тонкую линию. Что бы там ни было, это что-то очень нехорошее.

7

– Что там? – Дилан прищурилась и посмотрела в ту сторону, куда смотрел Тристан, но в густом сумраке не увидела ничего необычного. Кажется, очертания холмов вдали, ну что там еще может быть? И никакого движения.

Только она собралась спросить, что же он видит, как Тристан поднял руку, призывая ее помолчать. Дилан закрыла рот, наблюдая за парнем. Он все еще всматривался в темноту, где точно ничего не было. Дилан снова посмотрела в ту сторону, но так ничего и не увидела. Но его напряжение оказалось заразным, и Дилан почувствовала, как сжался ее желудок. Сердце забило быстрее, и ей пришлось вдыхать через нос, чтобы контролировать свое дыхание.

Тристан еще некоторое время смотрел вперед, а потом повернулся к ней. Его глаза с секунду ярко светились голубым светом. Дилан ахнула. Но в следующую секунду глаза его потемнели, и она подумала, что это ее фантазии.

Ветер усилился, казалось, что он носится вокруг них. Но кроме шума ветра... что это? Тихий вой? Эти звуки уже раздавались раньше. Напряженная поза Тристана говорила о том, что им есть о чем беспокоиться.

- Волки? - проговорила Дилан одними губами, боясь подать голос.

Тристан кивнул.

Дилан осмотрелась, выискивая силуэты волков. Нет, вроде бы нет их поблизости... Она инстинктивно шагнула к Тристану в поисках защиты и прошептала ему на ухо:

- Что нам делать?

- Внизу этого холма есть заброшенный деревянный домик. - Он тоже шептал, но чуть громче. - Нам надо до него добраться. Придется пойти быстрее, Дилан.

- Но где они? Волки? - прошептала она в ответ.

- Сейчас это не имеет значения; нам надо двигаться.

Его слова пугали. Дилан снова окинула взглядом темноту. Она сгустилась еще больше. Хоть глаза выколи. Земля под ее ногами была как пропасть. Если она попытается идти быстрее, то точно упадет, потащив за собой Тристана.

- Тристан, я ничего не вижу! - Ее голос сорвался от страха.

- Давай руку, я держу тебя, - сказал он; уверенность в его голосе придала смелости, стерла холод в груди. Их пальцы переплелись; Дилан с удивлением подумала, что они впервые прикоснулись друг к другу. Она занервничала из-за этого контакта. Его рука была очень теплой, а хватка - сильной. Он придавал ей уверенности.

- Идем, - сказал он.

Тристан пошел вперед, прибавив скорости. Дилан пыталась не отставать, но из-за того, что ничего не видела, часто спотыкалась на крутом спуске. В какой-то

момент гравий под ногами стал осыпаться. Дилан попыталась найти опору, но лодыжка подвернулась. Она почувствовала острую боль, когда сустав вывернулся. Всхлипнув от боли, Дилан почувствовала, что падает, но Тристан напряг руку, не дав ей упасть. В этот момент он показался невероятно сильным. Он подхватил ее почти у земли и поставил на ноги. А в следующую секунду снова заторопил вперед.

– Почти добрались, – сказал он, слегка задыхаясь.

Дилан показалось, что не так далеко впереди она увидела очертания здания. Нет, не показалось. Как и говорил Тристан, это был деревянный домик. Когда они подошли ближе, начали прорисовываться детали. Дверь была на месте, по обе стороны от нее по целому окну. Крыша резко уходила вверх, с одного края пристроилась небольшая кособокая труба. При темпе, что задал Тристан, до домика оставалось идти пару минут.

Спуск закончился, и Дилан зашагала уверенней. Лодыжка болела, но не настолько, чтобы заподозрить вывих.

Тристан пошел быстрее, почти побежал.

– Ты отлично справляешься, Дилан, продолжай.

Вой стал громче. Теперь казалось, что воет целая стая. Дилан старалась не думать о волках. Она пока и не заметила ни одного, хотя ее взгляд испуганно метался по сторонам. А, ладно, они уже почти добрались. Дом впереди выглядел гораздо прочнее халупы, в которой им пришлось спать в прошлую ночь. Волки не проникнут внутрь. Теперь они с Тристаном были так близко к убежищу, что Дилан могла разглядеть в оконном стекле свое напуганное лицо.

И тут она почувствовала это. Все началось с охватившего ее сердце холода, дыхание как будто застыло в легких. Она не могла рассмотреть их в темноте – только движение теней в воздухе. Тени проносились перед ней, и она физически ощущала, как воздух обдаёт ее кожу, когда они кружили вокруг нее. Проверая, пробуя воздух.

Это были не волки.

– Они здесь.

Голос Тристана был полон страха; он говорил не для Дилан – просто вырвалось, но она все равно услышала, и то, как он это сказал, пугало больше всего. Он словно знал, что эти существа появятся, знал, кто они такие. Что он от нее утаивал?

Что-то снова пронеслось мимо нее. Дилан быстро отдернула голову, но переносицу и щеку зажгло. Она коснулась кожи рукой и почувствовала влагу. Кровь? У нее шла кровь.

– Тристан, что происходит? – закричала она, перекрикивая ветер и вой, который усилился до пугающего крещендо и чередовался с шипением и криками. Из-за образовавшегося в груди льда стало больно дышать.

Из сумрака выскользнула тень и направилась прямо к ней. Дилан не успела отступить в сторону или даже подготовиться. Но... столкновения не произошло – тень как будто прошла сквозь нее. Дилан показалось, что ее тело пронзила ледяная стрела. Отпустив руку Тристана, она схватилась за живот, ожидая нащупать рану или дыру, но никакой дыры не было.

– Дилан, нет! Не отпускай меня!

Она почувствовала, как он тянется к ней, и протянула свою руку, но не нащупала его пальцев. И тут ее схватили сотни рук, которые не имели плоти. Но они были достаточно сильными и потянули ее вниз. Дилан инстинктивно замахала руками, стараясь высвободиться, но ни на что не наткнулась. Что происходит? Что это? Это точно не животные и не птицы. Дилан перестала двигаться и тут же почувствовала, как эти бесплотные существа овладевают ею. Как она может сражаться с тем, к чему нельзя прикоснуться? Ее ноги подогнулись, и она опустилась на землю.

– Дилан!

Тристан стоял рядом с ней, но его голос звучал откуда-то издалека, его заглушали крики и ликующее рычание. Странные существа были везде. Она чувствовала их на руках, ногах, животе, даже на лице. Где бы они ни дотрагивались до нее, это место жгло, как после прикосновения ледяного

металла. Они пронеслись сквозь ее тело, замораживая кости. В страхе Дилан отсутствовал адреналин. Ее ослаблял страх. У нее не хватало сил бороться с непобедимым.

- Тристан, - прошептала она. - Помоги...

Ее голос имел мощи не больше, чем писк мышонка. Она почувствовала невероятную слабость, будто кто-то лишил ее всех сил. Все ниже и ниже клонилась она к земле, а потом... Земля и камень потеряли плотность. Дилан казалось, что она может пройти сквозь них, словно это вода.

- Дилан! - До нее донесся искаженный и неясный голос Тристана. - Дилан, слушай меня!

Ей захотелось его успокоить. Она вдруг почувствовала себя невесомо и безмятежно, и он тоже должен успокоиться.

За ее джемпер грубо ухватилась рука. Больно. Воздух вокруг наполнился злым шипением, и Дилан с этим шипением согласилась - рука должна отпустить. Но рука задержала сильнее и потащила ее наверх. Дилан показалось, что попала в игру на перетягивание каната. Только канат - она сама.

Шипение усилилось, бесплотные прежде руки превратились в свирепые когти, они впивались в ее тело, как иголки, разрывали ее одежду и запутывались в волосах. Существом как будто нравилась эта игра: шипение превратилось в гоготание, в зловещий визг, проникающий прямо в сердце и замораживающий его.

Вдруг держащая ее за джемпер теплая рука переместилась под колени, и Дилан почувствовала рывок. Теперь ее ноги болтались в воздухе, голова запрокинулась назад. Она поняла, что оказалась на руках у Тристана. Смущаться времени не было, хотя он крепко прижал ее к груди и прикрыл своим телом, потому что существа не сдались. Они хватали ее за лодыжки и вились вокруг Тристана, зло размахивали когтями перед его лицом. Кое-как уворачиваясь, он побежал. Хватка существ ослабла, но Дилан чувствовала, что они по-прежнему носятся вокруг них; эти твари находились достаточно близко, чтобы оставить неглубокие ссадины на ее коже, но не смогли ее выхватить у Тристана, пока он бежал к домику.

Вой достиг апогея, когда Тристан стал приближаться к домику. Существа поняли, что добыча ускользает, и удвоили усилия. Тристан казался невосприимчивым к их атакам. Они царапали и тянули Дилан, сосредоточившись на ее голове и волосах. Дилан попыталась спрятать лицо, уткнувшись в плечо Тристана.

Почти добрались. Ноги Тристана стучали по мощеной дорожке, оставалось несколько метров. Не отпуская ее, он каким-то образом сумел открыть дверь и вбежал внутрь. Дилан услышала оглушительный вой разочарования и злости.

8

Как только Тристан захлопнул за собой дверь, шум прекратился. Он поспешно отпустил Дилан, словно боялся ее близости. Оставив ее одну, он быстро подошел к окну, выглядывая что-то в темноте.

Как ни странно, Дилан сумела рассмотреть обстановку. В домике почти не было мебели. У дальней стены стояла скамья, и Дилан поплелась к ней. Она тяжело опустилась на необработанную древесину и уронила голову на руки; между пальцами просочились тихие всхлипывания, ее трясло. Тристан оглянулся на нее с непроницаемым выражением лица, но от окна не отошел.

Немного справившись с собой, Дилан рассмотрела руки. Даже в темноте она видела царапины, и маленькие, и огромные. Ее кожу щипало, жгло. Но боль была терпимой.

В домике был камин, и Тристан, наконец оторвавшись от окна, подошел к нему. Дилан не заметила дров и не слышала чирканья спичкой, но скоро в камине разгорелся огонь. Тени, заплывавшие по стенам, создавали жутковатую атмосферу. Дилан не стала задавать вопросов про внезапное появление огня. В ее голове роилось слишком много других – невероятных важных – мыслей. Эти мысли, не дающие ей покоя, пытались вырваться наружу, но Тристан вернулся к окну и стоял там как статуя, явно не расположенный к разговорам. Дилан свернулась калачиком на скамье, ее снова затрясло. Снаружи не доносилось ни звука. Те, кто напал на нее, как будто отступили.

Наконец Дилан подняла голову.

– Тристан.

Он не оглянулся. Казалось, к чему-то готовился.

– Тристан, посмотри на меня. – Дилан подождала, и он наконец медленно и нехотя повернулся. – Что это было?

Она старалась говорить спокойно, но голос еще был хриплым от слез. Зеленые глаза замерцали, потому что в них все еще стояли слезинки, но она не отвела взгляда. Дилан хотела, чтобы он сказал правду. Он знал об этих существах. Он пробормотал: «Они здесь» и знал, что случится, когда она отпустит его руку. Откуда? Что еще он от нее скрывал?

Тристан вздохнул. Этого разговора было не избежать, хотя он как можно дольше его откладывал. Что произошло, то произошло. Дилан видела и почувствовала их. Это точно не волки. Ничего не оставалось, кроме как быть с ней честным. Но он не знал, с чего начать, как объяснить, чтобы причинить ей как можно меньше боли, но чтобы она поняла...

Он нехотя пересек комнату и сел рядом с ней. Но не посмотрел на нее, а уставился на свои переплетенные пальцы, словно они могут подсказать ответ.

Обычно, когда раскрытие правды становилось неизбежной необходимостью, он просто все выпаливал. Он убеждал себя, что короткое резкое потрясение лучше мучительного растягивания. Но в реальности ему было просто плевать. Пусть они плакали, рыдали, умоляли или пытались торговаться, пути назад не было. Он отключался и ждал, когда они примут неизбежное, а потом, уже вдвоем, во взаимном согласии, они могли двигаться дальше. Но в этот раз... в этот раз он этого не хотел.

Сидя достаточно близко, чтобы почувствовать на лице ее дыхание, он повернул голову и заглянул в зеленые глаза, этот яркий цвет рождал мысли о лесах. Тристан почувствовал, как на душе заскребли кошки. Он не хотел сделать ей больно. Такого еще никогда не было, но он чувствовал желание защитить ее.

– Дилан, я был не совсем честен с тобой, – начал он.

Он заметил, как ее зрачки слегка расширились, но больше никакой реакции. Он понял, что она уже это знала. Просто не понимала, в чем хитрость.

– Меня не было в поезде.

Он замолк, предвкушая ее реакцию. Ожидал, что она перебьет его потоком вопросов, требований и обвинений, но она сидела неподвижная, как камень. В ее глазах плескался страх и неуверенность; она боялась того, что он может сказать, но все равно хотела услышать.

– Я... – Голос Тристана задрожал и умолк. Как сказать? – Я тебя ждал.

Ее брови озадаченно сошлись на переносице, но она не заговорила, и он был этому рад. Было легче подобрать слова, не слыша ее голос. Но он отказался от такой медвежьей услуги, как не смотреть ей в глаза.

– Ты не была единственной, кто не пострадал при аварии. – Его голос понизился до шепота, будто таким образом он мог смягчить удар. – Ты единственная, кто пострадал.

Сказанное точно повисло в мозгу Дилан, отказываясь приобрести значение. Она оторвала от него взгляд и уставилась на сломанную плитку на полу, пытаясь понять смысл.

Тристан неловко заерзал рядом с ней, ожидая реакции. Прошла целая минута, потом еще одна. Дилан не двигалась. Только благодаря дрожанию губ она отличалась от статуи.

– Извини, Дилан, – добавил он, но не в качестве запоздалой мысли, а искренне. Он не понимал, почему, но ему неприятно было причинять ей боль, и он хотел забрать свои слова назад. Но то, что сделано, не воротишь. Он не обладал полномочиями все изменить, а если б и обладал, это было бы неправильно. Он не вправе играть в бога.

Тристан увидел, как она дважды моргнула, как пришло осознание. Значит, в любую секунду начнется поток эмоций. Он едва осмеливался дышать. Боялся ее слез.

Дилан его удивила.

– Я умерла? – наконец спросила она.

Он кивнул, просто был не в состоянии говорить. Ожидая наплыва страданий, протянул ей руки. Но она оставалась странно спокойной. Кивнула и вздохнула, затем улыбнулась сама себе.

– Мне кажется, я уже откуда-то это знала.

Нет, это не совсем верно, подумала Дилан. Не знала... но где-то глубоко внутри ее подсознание вело подсчет всему, что неправильно, всему, что не сходилось. Она не могла объяснить, почему не испугалась, наконец услышав правду. Но испытала облегчение.

Потом она подумала о том, что больше никогда не увидит маму и Кэти, никогда не встретится с папой, не насладится отношениями, которые у них могли бы сложиться, никогда не построит карьеру, не выйдет замуж, не родит детей... Печаль дала о себе знать, но чувство внутреннего покоя затмило грустные мысли. Если это правда, а она чувствовала, что это правда, тогда эту правду никак не изменить. Она все еще была здесь, была самой собой, и за это нужно быть благодарной.

– Где я? – тихо спросила она.

– В пустоши, – ответил Тристан. Она посмотрела на него, ожидая большего. – Это место между мирами, и ты должна его пересечь. Все пересекают. Ну как сказать... свою личную пустошь. В этом месте узнаешь, что умер, и смиряешься с этим.

– А эти существа? – Дилан показала на окно. – Что они такое?

Воя не было слышно, но Дилан была уверена, что существа не ушли. Они просто ждали своего часа и возможности атаковать.

– Демоны... думаю, их так можно назвать. Стервятники, призраки. Они пытаются завладеть душами во время перехода. Чем ближе мы к другой стороне, тем злее станут атаки, потому что их отчаяние растет.

– Что они делают? – Ее голос звучал не громче шепота.

Тристан пожал плечами, не желая отвечать.

– Расскажи мне, – потребовала она. Было важно знать, быть наготове. Она больше не хотела оставаться в неведении.

Он вздохнул.

– Если они тебя поймут, чего не случится, то затащат вниз. Я больше никогда не видел тех, кого они поймали.

– А как только оказываешься внизу?.. – Дилан вопросительно выгнула бровь.

– Я точно не знаю, – тихо ответил Тристан.

Она недовольно скривилась, но почувствовала, что он говорит правду.

– Если они победят, – продолжил Тристан, – ты станешь одной из них. Злой, голодной, безумной. Монстром дыма.

Дилан уставилась в никуда. Ее пугала мысль, что она может стать такой же. Кричащей, отчаявшейся... они были отвратительными существами.

– Мы здесь в безопасности?

– Да. – Тристан ответил быстро, будто хотел заверить ее в меру своих сил. – Эти дома – убежища. Они не могут войти.

Она приняла это спокойно, но Тристан знал, что вопросы еще будут, что ей понадобится истина. И он откроет ее, в чем только сможет. Она имеет право хотя бы на это.

– А ты?

Больше она ничего не сказала, но вопрос подразумевал тысячу вопросов. Кто он? Какую жизнь вел? Какое у него место в этом мире? Тристану было запрещено отвечать на большинство таких вопросов, и, по правде говоря, он не знал всех ответов, но кое-что мог ей рассказать, то, что она имеет право знать.

– Я – проводник, – начал он. Он смотрел на свои руки, но мельком взглянул на ее лицо. Просто было любопытно. Потом глубоко вдохнул. – Я провожу души через пустошь и защищаю их от демонов. Я рассказываю им правду, затем доставляю туда, куда они направляются.

– И куда?

Ключевой вопрос.

– Я не знаю. – Он печально улыбнулся. – Никогда там не был.

Дилан недоверчиво посмотрела на него.

– Но откуда ты знаешь, что это то самое место? Просто бросаешь там людей и уходишь? Откуда ты знаешь, что там не врата в ад?!

Он снисходительно кивнул, но в его ответе послышалась законченность.

– Просто знаю.

Дилан поджала губы и выглядела так, словно он ее не убедил, но больше не стала спорить. Тристан облегченно выдохнул. Он не хотел ей врать, но ему просто не всем позволялось делиться.

– И много людей ты... – Дилан замолчала, не зная, как сформулировать вопрос, – перевел?

Он поднял голову, и в этот раз в его глазах отразилась грусть.

– Я правда не могу тебе сказать. Тысячи, возможно, сотни тысяч. Я давно этим занимаюсь.

– Сколько тебе?

На этот вопрос он мог ответить, но не хотел. Он чувствовал, что, если она узнает правду, если поймет, как долго он здесь находится, – не учится, не растет, не получает опыта, как человек, а просто существует, – тонкая связь между ними разорвется. Она посмотрит на него как на старого, странного, другого человека, и он понял, что не хочет этого.

Он попытался отшутиться:

– А на сколько я выгляжу? – Раскинул руки, дав себя рассмотреть.

– Шестнадцать, – сказала она. – Но столько не может быть. Ты умер в этом возрасте? Ты не стареешь?

– Технически я никогда не жил, – ответил он с тоской в глазах. Но тоска быстро сменилась настороженностью. Он уже выдал больше, чем должен был. К счастью, она как будто это заметила и больше не задавала вопросов.

Дилан осмотрелась. Домик состоял из одной длинной комнаты с разнородной мебелью, очень старой. Но все равно здесь было лучше, чем во вчерашнем коттедже. Двери и окна целы, горящий в камине огонь дарил тепло. Возле скамьи стояла старая кровать без одеял, но с матрасом. Он был весь в пятнах, но сейчас манил, Дилан не отказалась бы прилечь. На другом конце стоял кухонный стол, а рядом с ним была раковина.

Дилан скованно поднялась – ноги затекли – и подошла к раковине. Она чувствовала себя грязной, хотелось помыться, но, похоже, раковиной давно не пользовались. Оба крана проржавели. Тем не менее она повернула вентиль одного из них. Ничего не произошло. Она попробовала повертеть второй. Вентиль не сдвинулся с места, и она удвоила усилия, чувствуя, как края впиваются в ладонь. Надавила еще сильнее, не теряя надежды, и... вентиль

отвалился: ржавчина проела металл.

- Упс... - Она повернулась и состроила Тристану рожицу, показывая сломанный кран.

Он улыбнулся и пожал плечами.

- Не волнуйся насчет этого.

Дилан кивнула и бросила вентиль в раковину. Затем повернулась и подошла к кровати. Она ощущала на себе взгляд Тристана, а когда развернулась, чтобы сесть на матрас, уже точно знала, что он рассматривает ее.

- Что? - спросила она, чуть улыбаясь. Теперь, когда открылась правда, рядом с ним она чувствовала себя комфортнее. Когда нет никаких секретов, легче.

Он не удержался и улыбнулся в ответ.

- Просто поражен твоей реакцией, вот и все. Ни единой слезинки.

Ее улыбка сошла на нет, сменившись грустью.

- А что изменят слезы? - Она вздохнула с мудростью, не свойственной молодым душам. - Попытаюсь поспать.

- Ты здесь в безопасности. Я продолжу наблюдать.

Дилан действительно чувствовала себя в безопасности, зная, что он здесь, в состоянии боевой готовности. Ее защитник.

- Я рада, что это ты, - пробормотала она, сквозь сон.

Тристан выглядел озадаченным, он не понял, что она имела в виду, но при этом был счастлив.

Он долго наблюдал за тем, как она спит, безмятежная в бессознательном состоянии, и смотрел на отблески огня, играющие на ее лице. Он почувствовал странное желание дотронуться до нее, погладить по гладкой щеке, откинуть волосы, упавшие на глаза, но не сдвинулся с места. Наверное, его влекли ее молодость и уязвимость. Он был ее проводником, ее временным защитником. Больше никем.

* * *

Дилан снова снился сон. Встреча с демонами подготовила роскошную почву для ночного кошмара, но ей снился Тристан.

Они находились в каком-то другом месте, не на пустоши, но Дилан не покидало странное ощущение, что она бывала здесь прежде. Они были в лесу с большими старыми дубами, чьи толстые ветви, переплетаясь наверху, образовывали купол. Была ночь, но лунный свет просачивался сквозь деревья, отбрасывая волнистые тени. Легкий ветерок трепал ее волосы, щекоча шею и плечи. Когда они шли, под ногами хрустел ковер из листьев. Некоторое время назад, похоже, прошел дождь, потому что воздух был влажным. Где-то слева она услышала тихое журчание ручейка. Превосходно!

Тристан во сне держал ее за руку, и они медленно петляли между стволами, не следуя какому-то пути, а просто выбирая извилистый маршрут в никуда. Ее кожу жгло от его руки, но она боялась даже пальцем дернуть, лишь бы он ее не отпустил.

Они не разговаривали, но не чувствовали никакой неловкости. Им просто нравилось быть друг с другом, слова разрушили бы ауру этого прекрасного места.

Сидя рядом, Тристан наблюдал за тем, как она улыбалась.

Дилан разбудили яркие солнечные лучи, просочившиеся в окна, несмотря на пыль и грязь на стеклах. Она потянулась, откинула волосы с лица и потеряла глаза.

Сначала она не поняла, где находится. Кровать была незнакомой и узкой, матрас комковатым. Под потолком расположились солидные балочные перекрытия, которым на вид было за сотню лет. Она дважды моргнула, пытаясь сориентироваться.

- Доброе утро, - раздался тихий голос, и она резко повернула голову.

- Ау! - Из-за быстрого движения защемило нерв в шее. Глядя сведенное судорогой место, Дилан постепенно все вспомнила.

- Доброе утро, - тихо ответила она, чувствуя, как румянец согревает щеки. Пусть накануне вечером они столько пережили, она снова чувствовала себя не в своей тарелке. Во сне было по-другому.

- Как спала? - Вежливый вопрос Тристана показался не к месту: правилом приличия в разгар безумия. Она не смогла сдержать улыбку.

- Хорошо, а ты?

Он улыбнулся.

- А мне не надо спать. Это одна из странностей пустоши. И тебе, кстати, тоже. Просто твой мозг думает, что спать нужно, поэтому ты спишь. Но в итоге он все забудет. Требуется время, чтобы приспособиться.

Она на мгновение молча уставилась на него.

- Никакого сна?

Он покачал головой.

- Никакого сна, еды и питья. Твое тело здесь - всего лишь проекция твоего мозга. А настоящее осталось в поезде.

Дилан несколько раз открыла и закрыла рот. Все как будто в невероятном фантастическом фильме. Она попала в «Матрицу»? Слова Тристана звучали неправдоподобно, невероятно, но она, глядя на руки, поняла, о чем он говорит, – несмотря на засохшую грязь, рубцы были гладкими и безупречными. Оставленные призраками глубокие царапины зажили.

– Ого, – вот и все, что она смогла сказать. И посмотрела на окно. – Снаружи безопасно?

Она не знала, будут ли вчерашние монстры-демоны угрозой в течение дня.

– Да. Они недолюбливают солнечный свет. Конечно, если на улице облачно и сумрачно, они могут появиться, но это если совсем уж отчаятся. – Тристан заметил отразившийся на ее лице испуг. – Не бойся, сегодня нам ничего не угрожает. Солнце.

Он показал на окно.

– Итак, что теперь?

– Мы идем дальше. Впереди еще долгий путь. Следующий островок безопасности в десяти милях отсюда, а темнеет здесь быстро.

Он хмуро выглянул в окно, словно собирался отчитать пустошь за то, что подвергает их опасности.

– То есть ты хочешь сказать, что мне не повезло умереть во время зимы?

В глазах Дилан отражалось легкое недоумение, но еще и интерес. Она хотела знать больше об этом странном месте.

Тристан уставился на нее, раздумывая, что именно можно ей сказать. Проводники переводят души через пустошь, и ничего больше. Многие души, осознав, где находятся и что с ними произошло, настолько погружаются в жалость к себе, что на отрезке пути между настоящим миром и концом не проявляют особого интереса к тому, что их окружало. Дилан не была похожа ни на одну из его предыдущих душ. Она спокойно приняла правду, без истерик. А

теперь в изучающих его глазах плескалось любопытство, интерес. Немного информации поможет ей принять и понять, спорил он с самим собой. Но, по правде говоря, он хотел с ней поделиться. Хотел быть чуть ближе к ней. Он глубоко вдохнул и сделал выбор.

- Нет. - Он улыбнулся. - На самом деле ты сама в этом виновата.

Ему пришлось закусить губу, чтобы не рассмеяться. Реакция Дилан была именно такой, как он и предполагал: растеряна и слегка возмущена. Нахмурилась и поджала губы, глаза превратились в зеленые щелочки.

- Я виновата? Это почему? Я ничего не сделала!

Он фыркнул:

- Я имею в виду, что ты сама создаешь пустошь.

Теперь на ее лице отразилось недоумение, а глаза расширились и засверкали на солнце.

- Идем. - Он поднялся со стула, подошел к двери и открыл ее. - Я объясню по дороге.

Когда Дилан вышла, воздух был теплым, ветерок, обогнувший стены домика, взъерошил ей волосы. Капли росы ловили солнечные лучи и мерцали в мокрой траве роскошного зеленого оттенка. Оказывается, здесь были цветы. Холмы красиво выделялись на фоне голубого неба. Все как будто очистили, отмыли, и Дилан глубоко вдохнула, наслаждаясь утренней свежестью. Однако ближе к горизонту виднелись темные облака. Оставалось надеяться, что солнце прогонит их прежде, чем они украдут такой прекрасный день.

Она последовала за Тристаном, стараясь избегать крапивы с чертополохом между потрескавшихся камней. Тристан, переминаясь с ноги на ногу, ждал в нескольких метрах, ему уже не терпелось отправиться в путь.

Дилан скривилась. Снова дорога... Понимание того, куда они направляются и почему важно дойти как можно быстрее, не добавляло привлекательности ее...

последнему путешествию.

– Почему пустошь не может быть более плоской? – проворчала она, приближаясь к Тристану.

Парень усмехнулся, но не ответил. Вместо этого он развернулся и пошел вперед. Дилан вздохнула и чуть подтянула джинсы в надежде, что так они не сразу промокнут, но понимала – это бесполезная мера.

Их путь начался с другой стороны домика; теперь они шли по узкой грязной тропинке вдоль красивого луга с высокой травой. Здесь росли дикие цветы: капли фиолетового, желтого и красного в океане зелени. Дилан хотелось идти не спеша, наслаждаясь природой. Хотелось прикоснуться к траве и цветам, позволяя им щекотать руки.

Для Тристана же этот луг был еще одним препятствием на пути, и он шел быстро, не глядя по сторонам.

Через десять минут луг остался позади: они стояли у подножия первого за этот день холма. Тристан уже начал подъем, и Дилан поспешила догнать его.

– Итак, – начала она, как только подстроилась под его широкие шаги. – Почему это все... – она обвела местность рукой, – моя вина?

– А еще ты виновата в том, что здесь везде холмы. – Тристан мрачно усмехнулся.

– Ну холмы – это привычно, – пробормотала Дилан; она уже запыхалась и злилась на загадочные ответы Тристана.

В ответ он засмеялся, и Дилан нахмурилась еще сильнее.

– Я уже говорил, что твое тело – это проекция мозга. С пустошью примерно то же самое. – Она споткнулась, и он схватил ее за локоть; Дилан была слишком сосредоточена на его словах, чтобы смотреть под ноги. – Выйдя из тоннеля, ты ожидала очутиться на полпути в Абердин – где-то на Шотландском нагорье, в труднодоступном, холмистом и диком месте, – и пустошь приняла именно такой вид. Тебе не нравятся физические упражнения, поэтому вся эта ходьба портит

тебе настроение. Это место реагирует на то, как ты себя чувствуешь. Когда злишься, становится облачно, ветрено... и темно. Чем мрачнее твои мысли, тем дольше и темнее ночи. – Тристан посмотрел на нее, пытаясь понять реакцию, и обнаружил, что девчонка внимает каждому его слову. Губы тут же растянулись в хитрой улыбке. – Даже я вот так выгляжу из-за тебя.

Она нахмурилась и перевела взгляд на землю, переваривая сказанное и при этом не желая смотреть на него.

– Почему? – наконец спросила она, не уловив смысла в последнем предложении.

– Ну проводник души должен казаться надежным. Вы должны нам доверять, следовать за нами. И мы автоматически принимаем нужную форму, чтобы вы считали нас привлекательными.

Дилан не подняла голову, но глаза ее округлились, а лицо покраснело.

– Поэтому, – продолжил Тристан, он был безмерно доволен собой, – если я все верно понял, то должен тебе нравиться.

Дилан резко остановилась и уперла руки в боки, румянец стал еще ярче.

– Что?! Это... ну это просто... это не так! – договорила она с запалом.

Тристан прошел еще несколько шагов и с широкой улыбкой на лице повернулся к ней.

– Это не так, – повторила она.

Его улыбка стала еще шире.

– Хорошо.

– Ты такой... – Дилан не смогла подобрать подходящее оскорбление и рванула вперед, яростно топая. Она даже не оглянулась, чтобы проверить, идет ли он за ней. Облака, клубящиеся десять минут назад на горизонте, подозрительно быстро понеслись вперед, неся с собой темноту.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/makfoll_kler/provodnik

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)